

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АРБИТРАЖ

№ 3/2021

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 3/2021

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 **Федин И.Г.** Актуальные вопросы развития принципа добросовестности в арбитражном и гражданском процессе

8 **Токарева А.А.** К проблеме реализации права на иск при конкуренции исковых требований

13 **Грибов Н.Д.** Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле

18 **Казакова С.П., Кухарева О.А., Юсупова А.Н.** Профессиональное представительство как ограничение права юридического лица (корпорации) на судебную защиту

23 **Бондаренко Л.К.** Судебный штраф за нарушение сроков судебной экспертизы

30 **Макеева Е.Б.** Упрощенное производство в арбитражном процессе: корпоративно-правовые аспекты

35 **Шевченко И.М.** К вопросу о правовой природе судебного зачета

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

40 **Потапова Л.В.** Основные проблемы развития института примирительных процедур в гражданском процессе

44 **Тимофеев Ю.А.** Судебное примирение: проблемы и перспективы

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

49 **Дербишева О.А.** Отличия гражданского процессуального правопреемства и гражданского правопреемства

53 **Оленин Д.А.** Английская модель исполнительного производства

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ

58 **Селькова А.А.** «Асинхронные» судебные процессы как будущая модель международного арбитража

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,****РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Треушников М.К., доктор юридических
наук, профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ**ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;
Почта России. Электронный каталог — П1715.
Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 24.02.2021.

Номер вышел в свет: 04.03.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного
цитирования.

Федин Илья Геннадьевич,

соискатель кафедры теории и истории
государства и права
Алтайского государственного
университета,
руководитель юридического отдела
в группе торговых предприятий
Алтайского края,
магистр частного права
fedinig@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-3-7

Актуальные вопросы развития принципа добросовестности в арбитражном и гражданском процессе

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с развитием принципа добросовестности в отечественном гражданском и арбитражном праве. Автором дается характеристика современного состояния данного принципа в указанных отраслях, производится раскрытие понятия «добросовестность», а также предлагаются законодательные инициативы для дальнейшего развития рассматриваемого регулятора в судебном процессе и укрепления тем самым процессуальной культуры.

Ключевые слова: добро, совесть, дефиниция добросовестности, моральные категории, процессуальные принципы, процессуальная культура.

Процессуальное право в отличие от других отраслей, в силу своей абстрактности, традиционно отличается глубокой проработкой и нормативным закреплением основополагающих правовых принципов. Примером могут служить ряд процессуальных кодексов, в том числе АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, УПК РФ, в которых таким принципам как справедливость, разумность, равноправие, законность, неприкосновенность и т.д. посвящены целые статьи, в достаточной мере освещающие данные правовые регуляторы с разных сторон. В то же время в других нормативных актах принципы зачастую лишены нормативного наполнения и, как правило, в лучшем случае просто поименованы, в худшем — подразумеваются исходя из системного толкования положений законодательства или частого упоминания соответствующего понятия, а также его синонимов и антонимов. Данный вид принципов в редких случаях встречается и в процессуальном законодательстве.

К одному из таких принципов, не получивших своего раскрытия в Арбитражном и Гражданском кодексах, относится принцип добросовестности, который получает на сегодняшний день во всем законодательстве Российской Федерации бурное развитие и широкое применение.

Так, в частности, в данные кодексы включены ст. 41 АПК РФ и ст. 35 ГПК РФ, обязывающие лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Данное положение явно указывает на фундаментальное значение идеи добросовестности для всего процесса и, несомненно, пронизывает все остальные процессуальные институты. Кроме этого, в указанных нормативных актах понятие «добросовестность», обуславливая необходимость действия участников соответствующим образом, фигурирует в нормах, посвященных объяснениям участников процесса (ст. 68 ГПК РФ), допросу специалиста (ст. 87.1 АПК РФ), судебному примирению (ст. 138 АПК РФ, ст. 153.6 ГПК РФ).

Злоупотребление правом традиционно рассматривается как обратная сторона добросовестности. Так, например, В.П. Грибанов, рассматривал процессуальную обязанность добросовестного правопользования как «общий принцип недопустимости злоупотребления правами процессуально-правового порядка»¹. Следовательно, если учитывать, что злоупотребление правом — это крайняя форма недобросовестного поведения, то наличие общепроцессуального принципа добросовестности

¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2. М., 2001, С. 209.

ярко прослеживается также и в институте злоупотребления процессуальными правами, обуславливающего негативные для соответствующих субъектов последствия (ст. 41 АПК РФ, 111 АПК РФ).

Констатировать важное значение и тенденцию развития принципа в рассматриваемых кодексах позволяют и введенные в 2019 г. новеллы, связанные с наложением штрафа на злоупотребляющих процессуальными правами лиц, ведущих дело в интересах группы лиц (ст. 225.10-1 АПК РФ, ст. 244.22 ГПК РФ).

Одним из важнейших положений, переплетающихся с таким фундаментальным аспектом судебного процесса, как стороны по делу, которые обязаны нести расходы, связанные с производством в суде, являются нормы ст. 111 АПК РФ, закрепляющее отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. Учет некоторых формулировок данной статьи позволяет, путем обратного толкования, сформулировать ряд положений, касающихся принципа добросовестности.

Перечисленные действующие нормы и постепенно вводимые новшества, связанные с принципом добросовестности, показывают востребованность рассматриваемой идеи в процессуальном праве и поступательное развитие данного регулятора законодателем.

Тем не менее, несмотря на фактическую легализацию принципа добросовестности в Арбитражном и Гражданском кодексах, последний продолжает оставаться нераскрытым как в данных правовых актах, так и в действующем законодательстве в целом. Невзирая на наличие множества примеров сегментарного формулирования в законодательстве и практике Конституционного и Верховного судов отдельных составляющих добросовестности, неразработанным данный принцип остается и в теории права, даже при наличии широкого спектра посвященных ему работ. В них добросовестность в основном сводится к своему лексическому значению. Например, С.И. Луценко указывает: «Добросовестность и разумность означают такое

поведение лица, которое характерно для обычного «заботливого хозяина» или «добросовестного коммерсанта»².

Существующее положение вещей позволяет сделать вывод о недостаточной науковедческой активности в теоретической и законодательной плоскости относительно рассматриваемого вопроса, на что обращается внимание в отечественной исследовательской практике. Так, по мнению В.О. Аболонина: «Все еще необоснованно мало внимания уделяется принципу добросовестности в гражданском и арбитражном процессуальном праве. Показательно, что его существование далеко не всегда признается отечественной доктринальной литературой и остается невостребованным судебной практикой»³.

Вместе с тем принцип добросовестности является важнейшим традиционным юридическим регулятором в отечественной правовой культуре. Добросовестность происходит от слов «добро» и «совесть». Согласно словарю В.И. Даля, концепт «совесть» характеризуется как «чувство, побуждающее к добру»⁴. Исходя из этого, понятие «совесть» и «добросовестность» по существу имеют одно значение, но в законодательной практике устоялась вторая смысловая единица, хотя иногда используется и первая.

Данная точка зрения подтверждается также законодательной коннотацией понятий «добросовестность» и «совесть» в смысловом единстве, выраженном в п. 1 ст. 9 Федерального Конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», исходя из которого, при вступлении в должность Уполномоченный приносит присягу следующего содержания: «Клянусь защищать права и

² Луценко С.И. Теневая часть корпоративного права: вопросы и ответы // Современное право. 2020. № 1. С. 66–73.

³ Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 8.

⁴ Совесть // Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dal.slovaronline.com/38577-SOVEST> (дата обращения: 27.01.2021).

свободы человека и гражданина, добросовестно исполнять свои обязанности, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, справедливостью и голосом совести». Положения этой нормы позволяют проследить логику законодателя и сделать вывод, что поступать добросовестно означает руководствоваться голосом совести и соблюдать действующее законодательство.

Принцип добросовестности имеет в российской правовой культуре основополагающее значение, поскольку тесно переплетается с каждым законодательным положением отечественной системы права. Рассуждая по этому поводу, В.В. Сорокин указывает, что человеку дано от природы некое инстинктивное чувствилище. В русском искусстве это называется художественным вкусом, в науке — чувством истины, в религии — Богосозерцанием, а в правовой (а значит, и нравственной) сфере — совестью. Совесть можно определить, как специфическую способность нравственного суждения, с помощью которой человек в каждом конкретном случае определяет, что делать и как поступать. Совесть призвана отражать абсолютные, вечные и неизменные начала нравственности. Для того чтобы личные субъективные воззрения человека не искажали этих начал, совесть подкрепляется чувствами стыда, долга и ответственности⁵. Следовательно, принцип добросовестности не только присущ правовой культуре России, но и имеет существенный нравственный регулятивный потенциал.

К такому же выводу приходит исследователь концепта «совесть» И.П. Кислицин, по мнению которого: «Одной из ведущих категорий морали, связанной с естественно присущим человеку характером его поступков, является понятие совести. Совесть как установка ответственного поведения, играет ведущую

роль в разнообразной деятельности человека»⁶.

Размышляя на предмет значения совести для отечественной культуры, В.В. Сорокин определил, что нравственные нормы и принципы, олицетворяющие более глубокий пласт права в сравнении с формально-определенным законодательством, никогда не рассматривались на Руси в качестве средств приспособления человека к внешним формам поведения⁷. Следовательно, принцип совести или, как принято указывать в документах нормативного характера — добросовестности, имеет самостоятельное значение даже без его фиксации в законодательстве. Но более углубленное его развитие и основательное нормативное закрепление позволит, в совокупности с императивными законодательными положениями, осуществить более стабильное правовое регулирование гражданского и арбитражного процессов. Подобные действия законодателя будут сложно переоценить на предмет положительного влияния на процессуальную культуру в целом, поскольку развитие в праве традиционных регуляторов, присущих правосознанию соответствующего населения, делает законодательство более приемлемым для правоприменителей и, как следствие, повышает качество правового регулирования в целом.

Помимо этого, в сегодняшних условиях тотального злоупотребления участниками судебного процесса своими правами, практическая деятельность продолжает испытывать существенную потребность в более четко сформулированных и относящихся к добросовестности положениях. Учитывая это, считаем необходимым предложить соответствующие нововведения в Арбитражный и Гражданский кодексы, на уровне статьи, подробно описывающей идею добросовестности, по аналогии с обособленными статьями данных нормативных актов, посвященных различным принципам.

⁵ Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении // История государства и права. 2009. № 21. С. 2–3.

⁶ Кислицин И.П. Бунт совести. Горно-Алтайск, 2010. С. 107.

⁷ Сорокин В.В. Указ. соч.

Формируя в этой области законодательные предложения, в основу будущей статьи необходимо вложить как традиционные смыслы, придаваемые рассматриваемому концепту, так и положения, вытекающие из практики. Ряд таких положений был качественно разработан в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Данный правовой акт формулирует ряд важнейших подходов к рассматриваемому принципу, а именно:

— при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения;

— оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации;

— поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ));

— если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий

такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Перечисленные, выработанные судами нормы, с учетом существующих положений ГК РФ, АПК РФ и ГПК РФ, необходимо вложить в проектируемую статью, посвященную принципу добросовестности. Исходя из системного анализа отдельных сегментов рассматриваемых процессуальных кодексов, этой статье в АПК РФ необходимо присвоить порядковый номер 7.1., а в ГПК РФ — 6.2. Данная статья может иметь следующий вид:

«Добросовестность участников процесса

1. Оценивая действия сторон как добросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от лиц, участвующих в деле, учитывающего права и законные интересы участников процесса, содействующего в получении необходимой информации.

2. Лица, участвующие в деле, обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

3. Суд обязан анализировать действия сторон на предмет их добросовестности.

4. В случае, если в действиях лиц, участвующих в деле, усматривается отклонение от добросовестного поведения, суд при рассмотрении дела по своей инициативе выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении.

5. Если в процессе рассмотрения дела будет установлено недобросовестное поведение лиц, участвующих в деле, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего участникам процесса права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестных участников дела (признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовало или содействовало лицо, участвующее в деле, наступившим или не наступившим, указывает, что недобросовестно собранные доказательства не имеют правового значения и т.д.).

6. В случае, если спор возник вследствие нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом или договором, в том числе нарушения срока представления ответа на претензию, оставления претензии без ответа, суд относит на это лицо судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела.

7. Суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта.

8. В случае установления фактов недобросовестно поведения лиц, участвующих в деле, наступают иные последствия, предусмотренные процессуальным законодательством».

С нашей точки зрения, внедрение предлагаемых нами норм в действующие Арбитражный и Гражданский кодексы, позволит заполнить давно пустующую законодательную нишу, которая потворствует судам оставлять без оценки и должного внимания незначительные на первый взгляд злоупотребления участников процесса, но в целом крайне негативно влияющие как на судебный процесс, так и на всю отечественную правовую культуру в целом.

Литература

1. Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе / В.О. Аболонин // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 2–8.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. 2-е изд. Москва : Статут, 2001. 464 с.
3. Кислицин И.П. Бунт совести : монография / И.П. Кислицин. Горно-Алтайск, 2010. 248 с.
4. Луценко С.И. Теневая часть корпоративного права: вопросы и ответы / С.И. Луценко // Современное право. 2020. № 1. С. 66–73.
5. Совесть // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т. 4. Р-V / В.И. Даль. Москва : О-во любителей рос. словесности, учр. при Императорском Московском ун-те, 1863–1866. 625 с.
6. Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении / В.В. Сорокин // История государства и права. 2009. № 21. С. 2–6.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Токарева Анна Алексеевна,
аспирант кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии
drakon7anna@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-8-12

К проблеме реализации права на иск при конкуренции исковых требований

В статье проводится исследование правовой природы права на иск в аспекте единства материально-правовых и процессуальных признаков. Помимо этого, раскрывается право выбора иска в случаях конкуренции исковых требований, что немало важно не только в теоретическом, но и практическом плане. В целях формирования комплексного представления о сущности права на иск и его реализации при конкуренции исков применяются общенаучные и частноправовые (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Доказывается, что право на иск — сложная категория, в содержание которой включаются право на предъявление иска (первое) и право на удовлетворение иска (второе) как разные, но коррелятивные понятия. Отмечается, что своеобразие обоих правомочий права на иск проявляется в условиях (предпосылках) их возникновения и реализации, которые подразделяются на общие (универсальные) и специальные. Кроме того, затрагивается проблема реализации права на иск в условиях конкуренции исков, выделяются критерии выбора надлежащего по соображению истца способа защиты нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов. Делается вывод, что нивелирование конкуренции исков требует разработки особой, наиболее эффективной стратегии осуществления права на иск.

Ключевые слова: цивилистическое процессуальное право, право на иск, правовая природа, предпосылки, конкуренция исков, выбор иска.

Как известно, право на обращение в суд проявляется в различных формах и в качестве универсальной почитается исковая форма защиты прав. Можно выдвинуть тезис, что познание истинной сущности права на иск возможно при условии сохранения гармонии материального и процессуального компонентов, в чем и усматривается приоритетность *теории единого права на иск*. Являясь сложной категорией, право на иск аккумулирует право на предъявление иска (первое) и право на удовлетворение иска (второе) как разные, но коррелятивные понятия. Возникновение обязанности суда по рассмотрению и разрешению спора между сторонами и вынесению решения детерминируется фактором предъявления истцом иска, поэтому без процессуального элемента права на иск не будет приведен в действие механизм судебной защиты субъективных прав

и законных интересов. Не меньшей важностью располагает право на удовлетворение иска, без которого право на предъявление лишалось бы цели, а сам иск перестал бы служить эффективным средством защиты прав и охраняемых законом интересов.

Эти соображения касательно сложной структуры права на иск можно подкрепить доводами правоведов советского и современного периодов. Очерчивая понятие права на иск как синтетическое, А.А. Добровольский справедливо включал в него два выступающих в единстве правомочия: первое — право на предъявление иска, второе — право на его удовлетворение¹. По убеждению Л.И. Поволоцкого, право на иск соче-

¹ Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 73–74.

тает материально-правовые и процессуальные моменты и эти «две стороны одного явления» неверно воспринимать в отрыве друг от друга².

О праве на иск как понятии собирательном, предусматривающем единство процессуального и материального правомочий, высказывались также С.А. Иванова, М.А. Рожкова, Я.Ф. Фархтдинов и М.В. Фетюхин, которыми при этом подчеркивалась известная мера самостоятельности права на предъявление иска и права в материально-правовом смысле, так как совершение действий по процессуальному аспекту права на иск не всегда означает удовлетворение требования истца к ответчику³. Последнее стало поводом для критики целостного понятия права на иск.

Опровергая теорию единого права на иск и склоняясь к двойственной его природе, Г.Л. Осокина и И.М. Пятилетов ссылались на вероятность неполучения защиты субъективного права или охраняемого законом интереса после обращения к суду⁴. Однако этот довод нельзя полностью обратить против концепции единства права на иск по следующим причинам.

Действительно, в соответствии с законом (ч. 1 ст. 196 Гражданского процессуального кодекса Российской

Федерации (далее — ГПК РФ)⁵); ч. 1 ст. 168 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)⁶) только суд вправе решать, подлежит ли иск удовлетворению, и предвосхитить исход дела до вынесения судом решения не представляется возможным, поэтому предъявление иска не гарантирует его удовлетворение. Но это не исключает материально-правовую составляющую права на иск. Материально-правовая сторона права на иск проверяется в ходе судебного разбирательства дела, и удовлетворение иска потенциально при условии его правовой и фактической обоснованности. Если право на удовлетворение иска осмыслять в отрыве от права на предъявление иска, то необходимость в праве на иск отпала бы рефлективным образом, поскольку у истца при таких обстоятельствах не было бы цели.

Точку зрения о той или иной доле самостоятельности правомочий права на иск можно разделить, но уместнее было бы употребить подчеркивающий различное содержание прав на предъявление иска и на его удовлетворение термин «своеобразие» ввиду того, что самостоятельным является право на иск как целое, по отношению к которому процессуальный и материально-правовой элементы являются равноценными, но не совпадающими и не заменяющими друг друга.

Своеобразие обоих правомочий права на иск проявляется и в условиях (предпосылках) их возникновения и реализации. Традиционно выделяются общие (универсальные) и специальные предпосылки права на предъявление иска. Специальными предпосылками охватываются условия реализации права на предъявление иска в сфере частных спорных правоотношений (трудовых,

² См.: С.Е. Иск и его виды в советском праве (Доклад Л.И. Поволоцкого): [В Институте права Академии Наук СССР] // Советское государство и право. 1949. № 4. С. 46.

³ См.: Иванова С.А. Некоторые проблемы исковой формы защиты права по проектам ГПК РФ и АПК РФ // Актуальные проблемы гражданского процесса: сборник статей. СПб., 2002. С. 19; Рожкова М.А. К вопросу об иске, изменении его предмета и основания // Хозяйство и право. 2002. № 11. С. 78–79; Фархтдинов Я.Ф., Фетюхин М.В. Глава 8. Иск в арбитражном процессе. § 2. Право на иск // Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д.Х. Валеев и М.Ю. Чельшев. М.: Статут, 2010. С. 192–193.

⁴ См.: Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 11, 24; Пятилетов И.М. Глава 11. Иск. Возбуждение гражданского дела. § 4. Право на иск и право на предъявление иска // Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2004. С. 208–209.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2019. № 49 (ч. V). Ст. 6965.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2019. № 49 (ч. V). Ст. 6965.

семейных, жилищных, наследственных, земельных и пр.); такие предпосылки устанавливаются законом не для каждого иска. Напротив, универсальные предпосылки (ст. 43, 127.1, 150 АПК РФ; ст. 36, 134, 220 ГПК РФ и т.д.) не обусловлены спецификой спорных материальных правоотношений, к ним причисляются: процессуальная правоспособность; соблюдение правил компетенции судов; отсутствие принятого по тождественному иску и вступившего в законную силу судебного акта либо решения третейского суда; правовой спор; юридическая заинтересованность.

В добавление к этому необходимо заметить важность доказывания принадлежности спорного права или законного интереса истцу, для того чтобы иск был удовлетворен. Естественно, доказывание этого факта производится в регламентированном законом процессуальном порядке, что непроизвольно наводит на размышление о роли права на предъявление иска в качестве предпосылки права на удовлетворение иска. Выбирая исковую форму защиты, лицо может доказать принадлежность ему защищаемого спорного права или законного интереса только после предъявления иска. Из этого вытекает, что право на предъявление иска всегда предшествует праву на удовлетворение иска, поэтому первое как бы является условием для реализации второго. Это еще раз свидетельствует не о дифференциальном существовании права на иск в двух плоскостях — процессуальной и материальной, а о тесной связи правомочий по предъявлению иска и по его удовлетворению, составляющих единое право на иск.

Помимо этого, в круг общих предпосылок права на удовлетворение иска входят правовая и фактическая обоснованность иска. В юридической доктрине оправданно соотносили право на удовлетворение иска с наличием норм права, которыми урегулированы защищаемые истцом субъективные права или охраняемые законом интересы, и с доказанностью юридических фактов, слу-

жащих фактическим основанием иска⁷. Также можно согласиться с ограничением специальных предпосылок права на удовлетворение иска, типичных для отдельных исков в области частных правоотношений: 1) соблюдение сроков исковой давности; 2) наступление срока исполнения обязательства⁸.

Таким образом, правовая природа права на иск детерминируется целостностью и гармонией материально-правовых и процессуальных признаков. Право на иск — сложная категория, в содержание которой включаются право на предъявление иска (первое) и право на удовлетворение иска (второе), своеобразии которых проявляется в предпосылках их возникновения и реализации и делает эти правомочия не совпадающими и не заменяющими друг друга, но при этом равноценными по отношению к праву на иск как целому.

В завершение актуально заострить внимание на том, что реализация права на иск при конкуренции исков координируется с правом выбора надлежащего по соображению лица способа защиты своих нарушенных или оспариваемых прав и интересов, охраняемых законом. Субъектом, которому принадлежит право выбора одного из исков, является только истец. Вмешательство каким-либо образом в это правомочие суда, оказание им влияния на выбор истцом того или иного средства исковой защиты означало бы нарушение принципов состязательности и диспозитивности.

Как можно удостовериться, самостоятельность и свобода выбора того или иного способа защиты нарушенного права закреплена в законодательстве (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 9, ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации⁹; ч. 1

⁷ См., напр.: Курылев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Иркутск, 1957. Т. 22: Вып. 3. С. 206.

⁸ Добровольский А.А., Иванова С.А. Указ. соч. С. 99–100.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 4 АПК РФ; ч. 1 ст. 3 ГПК РФ и т.д.) и подтверждается судебной практикой¹⁰. Субъект производит выбор рационального способа достижения поставленной цели, не подчиняясь воле других лиц и суда и руководствуясь собственными познаниями, интуицией. Однако он же и будет нести риски результативности своего выбора, в чем наглядно можно убедиться, изучив правовые позиции судов. Так, суды, установив, что выбранный способ защиты не повлечет восстановления прав истца, которые он считает нарушенными, пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска¹¹.

О неблагоприятных последствиях выбора лицом способа защиты прав и интересов, охраняемых законом, рассуждали и в науке цивилистического права и процесса. И.В. Решетникова правильно указывала на самостоятельность субъекта в выборе модели поведения и совершения правовых действий на свой риск, в результате чего этим субъектом могли претерпеваться негативные последствия и прежде всего проигрыш дела или недостижение промежуточной процессуальной цели¹².

Между тем, не являясь абсолютной, свобода выбора оптимального средства защиты нарушенного права или законного интереса имеет конкретные правовые границы. По разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации, такой выбор предопределяется теми правовыми нормами, которые

регулируют соответствующие правоотношения¹³. Суд по интеллектуальным правам, ориентируясь на изъяснения Конституционного Суда Российской Федерации, в своем решении дополнил, что предусмотренный законом для определенного вида правоотношений и избранный лицом, право которого нарушено или оспаривается, способ защиты должен в действительности восстановить нарушенное право¹⁴.

Очевидно, что право истца на выбор одного из нескольких исков не предполагает произвольного избрания того или иного иска. Критериями выбора иска при реализации права на иск являются: 1) самостоятельность и относительная свобода выбора; 2) регламентация нормами закона избранного истцом иска и его конгруэнтность содержанию нарушенного права и правовому характеру этого нарушения; 3) сообразность цели иска с правовой действительностью (или обеспечение восстановления нарушенного права); 4) соблюдение принципов равноправия и соразмерности защиты права; 5) закрепленные нормами законов последствия предъявления и возможного удовлетворения иска; 6) избираемая в зависимости от цели стратегия и процессуальная тактика защиты права.

Вне сомнения, выбор иска — непреложный атрибут конкуренции исков, элиминирование которой требует разработки особой, наиболее эффективной стратегии осуществления права на иск. И, безоговорочно, выбор одного из конкурирующих исков не должен противоречить содержанию спорных материальных правоотношений в рамках отдельных отраслей и подотраслей российского права.

¹⁰ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 августа 2019 г. № С01-703/2019 по делу № А28-9231/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; и пр.

¹¹ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 308-ЭС19-17237 по делу № А32-13401/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 декабря 2019 г. № Ф06-54544/2019 по делу № А72-9911/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; и пр.

¹² Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 95, 96.

¹³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2017 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 1.1 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Жукова» // Российская газета. 2017. 14 декабря.

¹⁴ См.: Решение Суда по интеллектуальным правам от 24 декабря 2019 г. по делу № СИП-529/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Добровольский А.А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А.А. Добровольский, С.А. Иванова. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1979. 159 с.
2. Иванова С.А. Некоторые проблемы исковой формы защиты права по проектам ГПК РФ и АПК РФ / С.А. Иванова // Актуальные проблемы гражданского процесса : сборник статей в честь юбилея доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Надежды Александровны Чечиной / под редакцией В.А. Мусина. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2002. С. 16–22.
3. Курьлев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. 22. Вып. 3 / редколлегия: С.В. Курьлев, В.А. Шкурко; ответственный редактор И.Б. Марткович. Иркутск, 1957. С. 159–216.
4. Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / Г.Л. Осокина. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. 160 с.
5. Пятилетов И.М. Глава 11. Иск. Возбуждение гражданского дела. § 4. Право на иск и право на предъявление иска / И.М. Пятилетов // Гражданское процессуальное право : учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев [и др.] ; под редакцией М.С. Шакарян. Москва : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 208–210.
6. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве : избранное / И.В. Решетникова. Москва : Статут, 2019. 510 с.
7. Рожкова М.А. К вопросу об иске, изменении его предмета и основания / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. 2002. № 11. С. 78–91.
8. С.Е. Иск и его виды в советском праве (Доклад Л.И. Поволоцкого): [В Институте права Академии Наук СССР] / С.Е. // Советское государство и право. 1949. № 4. С. 46–47.
9. Фархтдинов Я.Ф. Глава 8. Иск в арбитражном процессе. § 2. Право на иск / Я.Ф. Фархтдинов, М.В. Фетюхин // Арбитражный процесс : учебник / ответственные редакторы Д.Х. Валеев и М.Ю. Чельшев. Москва : Статут, 2010. С. 192–194.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Арбитражный суд Уральского округа обобщил судебную практику по вопросам применения законодательства о банкротстве гражданина

В обзоре приведены, в частности, следующие позиции судов:

в силу принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов реализация принадлежащего гражданину на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом) жилого дома без земельного участка, на котором он расположен, на том основании, что данный земельный участок является личной собственностью супруга (бывшего супруга) должника, не допускается;

по спорам о признании долга общим обязательством супругов кредитор достаточно привести серьезные доводы и представить существенные косвенные свидетельства об использовании предоставленных им средств на нужды семьи (улучшение имущественного положения семьи), после чего бремя доказывания обратного переходит на супругов;

бремя доказывания принадлежности находящегося в жилом помещении должника-гражданина имущества на праве личной собственности другим членам его семьи лежит на должнике и лицах, заявляющих о своих правах на указанное имущество;

при исследовании вопроса о наличии у жилого помещения исполнительского иммунитета необходимо установить круг лиц, имеющих право пользования спорным жилым помещением, и привлечь их к участию в обособленном споре;

разрешая вопрос о предоставлении жилому помещению исполнительского иммунитета, суд наряду с иными доказательствами должен оценить поведение должника с точки зрения добросовестного осуществления прав.

См.: Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о банкротстве гражданина (Утв. президиумом Арбитражного суда Уральского округа 24.07.2020)

Грибов Николай Дмитриевич,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук
nick382@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-13-17

Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле

Статья посвящена изучению противоречивого поведения участников гражданского процесса. Автор, на основе анализа зарубежного и отечественного законодательства и практики его применения, приходит к выводу, что для обозначения запрета противоречивого поведения используются две доктрины: *estoppel* и *venire contra factum proprium*, которые по своей юридической природе различаются, хотя в современной российской практике используются в качестве синонимов. Также в исследовании выделены элементы запрета противоречивого поведения и отмечено его отличие от других схожих правовых явлений.

Ключевые слова: эстоппель, запрет противоречивого поведения, *venire contra factum proprium*, добросовестность, ущерб.

Под противоречивым процессуальным поведением, в рамках настоящего исследования, следует понимать процессуальные действия лиц, участвующих в деле, которые противоречат ранее совершенным деяниям либо бездействию.

При этом противоречивое поведение, т.е. подача процессуальных ходатайств, всегда представляет активные действия и само по себе не противоречит императивным требованиям процессуального законодательства. В качестве примера следует привести право лиц, участвующих в деле, предоставлять уточнения к ранее изложенной позиции по фактическим обстоятельствам дела до момента вынесения решения. Однако если сторона процесса неоднократно изменяет позицию, касающуюся фактов дела, то суд вправе расценить ее действия в качестве недобросовестных и применить последствия в виде запрета противоречивого поведения, который также именуется эстоппель (*estoppel*), либо *venire contra factum proprium*.

Estoppel — доктрина в англо-саксонском праве, обозначающая запрет противоречивых действий, когда определенное предшествующее поведение стороны сформировало у другой стороны доверие и разумные ожидания и их подрыв в результате непоследовательности приведет к явной несправедливости¹. В настоящий

момент в странах англо-саксонской семьи данная доктрина подразделяется на различные виды, применяемые в материальном и процессуальном праве. Например, процессуальная правовая конструкция *estoppel by res judicata (collateral estoppel)* позволяет избежать повторного пересмотра однажды решенного дела.

Venire contra factum proprium, обозначающая, что никто не может противоречить собственному предыдущему поведению, была выработана римскими глоссаторами при интерпретации положений *Corpus Juris Civilis* в рамках *exceptio doli generalis* и в дальнейшем заимствована правопорядками стран континентальной системы права².

Данные доктрины направлены на защиту лица, которому в результате противоречивых действий противоположной стороны будет причинен ущерб, хотя по юридической природе они различаются. Юридическая конструкция *estoppel* — юридический институт, который в английском праве не связан с добросовестностью (*good faith*), тогда как *venire contra factum proprium* следует из принципа добросовестности (*bona fides*). Можно утверждать, что в странах континентального права доктрина запрета противоречивого поведения является одним из вариантов последствий недобросовестного поведения (*mala fides*).

¹ Карапетов А.Г., Федоров Д.В. Эстоппель. URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppelyu-d.-fedorova.-karapetov.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

² Protection of the purchaser's reliance in 16th — 18th century England and Europe // The Western Australian Jurist. vol. 3. 2012. p. 4. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/WAJurist/2012/1.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

В Российской Федерации, несмотря на то, что она относится к романо-германской правовой семье, в практике судов и деятельности практикующих юристов латинское понятие *venire contra factum proprium* не распространено и для констатации противоречивого поведения преимущественно используется дефиниция эстоппель. Так, сторонами в одном из пунктов мирового соглашения было установлено, что поведение сторон при исполнении настоящего мирового соглашения не должно иметь признаков противоречивости и недобросовестности, не соответствующих обычной коммерческой честности (правило эстоппель)³.

Правило запрета противоречивого поведения применяется в гражданском праве и цивилистическом процессе и представляет один из частных случаев недобросовестного поведения. Правовым последствием при противоречивом поведении в сфере материального права является отказ в удовлетворении иска (встречного иска). Юридическими последствиями при противоречивом поведении в рамках процессуального права выступает отказ в удовлетворении ходатайства истца.

Несмотря на то, что правило *venire contra factum proprium* прямо не закреплено в отечественном процессуальном законодательстве, его правовой основой выступает ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также разъяснения, данные в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Рассмотрим некоторые проблемы применения исследуемой правовой конструкции.

Первой проблемой выступает состав элементов запрета противоречивого поведения. В науке выдвигаются различные мнения относительно условий его применения⁴. Исследование зарубежной доктрины показывает, что иностранные правоведы выделяют четыре элемента *venire contra factum proprium*: (1) первоначальное поведение

(*factum proprium*), (2) вторичное поведение, которое противоречит первоначальному (*contra factum proprium*), (3) недобросовестность лица, действующего противоречиво (*mala fides*), (4) причинение существенного ущерба противоположной стороне⁵.

Выделение четвертого элемента запрета противоречивого поведения, в частности, ущерба, достаточно спорно. С позиции материального права конкретный ущерб определить возможно, так как он может иметь материальное выражение. Например, Верховный суд Германии в одном из судебных актов, относительно применения последствий запрета противоречивого поведения, отразил, что ответчиком не доказано, что изменение позиции истца, вдруг осознавшего, что он осуществлял оплату на основании незаконных условий договора, причинило ответчику существенный ущерб⁶. В деле «*Sanders v. United Distributors, Inc.*» судья Редманн, анализируя доктрины *estoppel* и *venire contra factum proprium* и ссылаясь на ряд доктринальных источников, указал, что вне зависимости от применяемой доктрины истец должен доказать что-то похожее на *injurious reliance* (ущерб)⁷.

В рамках гражданского и административного судопроизводства выделение подобного элемента достаточно условно. Хотя А.В. Юдин, анализируя категорию злоупотребления процессуальными правами, усматривал, что недобросовестное поведение сторон причиняет экономический вред интересам государства и интересам лиц, участвующих в деле, который выражается в убытках в виде реального ущерба и упущенной выгоды⁸. Д.Б. Воло-

³ Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 27 ноября 2019 г. по делу № А65-24820/2019 // Банк решений арбитражных судов.

⁴ Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.

⁵ Codrin Codrea. Nemo potest venire contra factum proprium. The coherence principle in European contract law // CES Working Papers, Centre for European Studies, Alexandru Ioan Cuza University. Vol. 10, № 3. P. 357–370. URL: <https://ideas.repec.org/a/jes/wpaper/y2018v10i3p357-370.html> (дата обращения: 26.01.2021); Thiago Luis Sombra. The Duty of Good Faith Taken to a New Level: An Analysis of Disloyal Behavior // Journal of Civil Law Studies. Vol. 9. 2014. P. 54.

⁶ Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28–74.

⁷ Sanders v. United Distributors, Inc., Louisiana Court of Appeal. URL: <https://cite.case.law/so-2d/405/536/> (дата обращения: 26.01.2021).

⁸ Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2009. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1345381> (дата обращения: 26.01.2021).

дарский и И.Н. Кашкарова отмечают, что под ущербом может пониматься невыгодное положение участника процесса, которое стало результатом нарушения принципов состязательности и процессуального равноправия⁹. Кроме того, можно утверждать, что в процессуальных отношениях ущерб причиняется интересам правосудия либо противоположной стороне, так как противоречивые действия стороны влияют на окончательный результат процесса.

Вместе с тем представляется, что с позиции имплементации запрета противоречивого поведения в процессуальных отношениях обоснование судом ущерба является лишним. Это обусловлено, во-первых, абстрактностью категории убытков в процессуальном праве, которая фактически выступает последствием процессуальной недобросовестности. Во-вторых, превалирования публичных начал при обеспечении справедливого судебного разбирательства над диспозитивными началами процесса. Соответственно констатации недобросовестности лица, действующего противоречиво, достаточно для лишения процессуального права.

Таким образом, для применения процессуального запрета противоречивого поведения следует установить совокупность трех элементов: (1) *factum proprium*, (2) *contra factum proprium*, (3) *mala fides*.

Следует отметить, что в судебных актах часто встречается фраза, что основным критерием применения эстоппеля является непоследовательное, непредсказуемое поведение участника юридического правоотношения¹⁰. Представляется, что подобная трактовка является неверной. Недобросовестность лица, действующего противоречиво, выступает превалирующим критерием применения запрета противоречивого поведения. Участники процессуального и материального правоотношения вправе действовать противоречиво, что следует из диспозитивных начал гражданского права и процесса. Напри-

мер, в рамках гражданского оборота, когда меняются экономические обстоятельства. В процессе ответчик вправе вначале не признать иск, а затем согласиться с частью исковых требований. Противоречивое поведение становится только в том случае неправомерным, когда оно не отвечает критерию добросовестности (*bona fides*).

Второй проблемой применения запрета противоречивого поведения выступает смещение его правовой природы со смежными правовыми явлениями, в частности, преклюзией и изменением отдельного пункта сделки в силу конклюдентных действий ее сторон.

Под преклюзией следует понимать ситуацию, когда право прекращается ввиду его неосуществления в определенный срок¹¹. В современном процессе данная юридическая конструкция направлена на обеспечение своевременного рассмотрения дела путем содействия оперативному и своевременному разрешению споров. Преклюзия — относительно древняя правовая конструкция, имеющая целью заставить стороны концентрировать процессуальные средства на начальных этапах процесса. Например, в Австрийском уставе гражданского судопроизводства 1895 г. было установлено, что отвод о неподсудности должен быть заявлен в первом заседании. После окончания первого заседания к рассмотрению принимается только отвод о родовой неподсудности дела¹². Устав гражданского судопроизводства 1864 г., в редакции 1914 г., в ст. 330, 331, 331¹ содержал правило о том, что лица, участвующие в деле, обязаны не позднее первого словесного состязания привести все обстоятельства, на которых основаны их требования и возражения¹³.

В современном отечественном законодательстве преклюзия закреплена в абз. 6 ст. 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, указываю-

⁹ Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.

¹⁰ См., например: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 декабря 2019 г. по делу № А60-8529/2019, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 августа 2019 г. № Ф04-1374/2019 по делу № А46-289/2018 // Банк решений арбитражных судов.

¹¹ Малахирев Б.М. Эстоппель и преклюзия в цивилистическом процессе: общее и особенное // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 3–7.

¹² Тур Н.А. Австрийский устав гражданского судопроизводства 1895 года в сопоставлении с нашим уставом. С.-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1896. С. 95.

¹³ Исаченко В.Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу устава гражданского судопроизводства. Т. I (издание 3-е, испр. и доп.). Петроград: Типография М. Меркушева, 1916. С. 766, 767.

шей, что суд оставляет заявление без рассмотрения, если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в суде первой инстанции заявит возражение, касающееся третейской оговорки, в отношении рассмотрения дела в суде.

В юридической литературе отмечается, что в современной практике судьи не разграничивают содержание запрета противоречивого поведения и преклюзии, что является ошибочным¹⁴. На самом деле грань между этими правовыми явлениями достаточно тонкая, так как они идентичны по своим правовым последствиям — отказ в удовлетворении процессуального ходатайства по причине потери права.

Если для установления преклюзии необходимо определить несвоевременность выполнения процессуальных действий и вину лица, их осущестляющего, то для определения *venire contra factum proprium* важно установить элемент *mala fides*. С одной стороны, преклюзией может являться подача ходатайства о неподсудности спора в суд второй инстанции, хотя в первой инстанции подобное ходатайство не заявлялось. С другой стороны, эти процессуальные действия могут подпадать и под правило запрета противоречивого поведения, если будет установлена недобросовестность лица, ходатайствующего об этом. Так, суд кассационной инстанции верно применил эстоппель, так как в действиях лица, участвующего в деле, прослеживалась недобросовестность, в частности, им было заявлено о неподсудности спора только после вынесения судебного акта судом апелляционной инстанции, принятого не в его пользу¹⁵.

Соответственно отличием между определением *venire contra factum proprium* и преклюзией выступает элемент недобросовестности лица, действующего противоречно (*mala fides*).

Также дискуссионным выступает вопрос о соотношении эстоппеля и изменения отдельного пункта сделки в силу конклюдентных действий ее сторон.

В силу ст. 158 Гражданского кодекса Российской Федерации сделка может совершаться не только в форме устного или письменного волеизъявления, но и в форме конклюдентных действий¹⁶. Допустим, стороны заключили соглашение об изменении территориальной подсудности для данного дела. Истец подает не в тот суд, который указан в договоре. Ответчик не возражает, активно участвует в судебном процессе. Суд искивые требования удовлетворяет в полном объеме. Ответчик в апелляционной жалобе ходатайствует о передаче дела по подсудности. Возникает вопрос: на что сослаться суду при отказе в удовлетворении подобного заявления? На эстоппель либо на то, что стороны изменили договор своим конклюдентным поведением?

Действующая судебная практика, следуя позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, отраженной в постановлении Президиума от 23 апреля 2013 г. № 1649/13, рассматривает, что к подобной ситуации следует применить эстоппель, хотя в тексте судебных актов отражается факт изменения подсудности в результате конклюдентных действий¹⁷. Представляется, что ссылка на запрет противоречивого поведения в данной ситуации избыточна. Именно через конклюдентное соглашение об изменении условий договора следует исходить при толковании действий сторон. Запрет противоречивого поведения нельзя применить, поскольку отсутствует элемент *mala fides*.

Последней проблемой, на которую необходимо обратить внимание, является вопрос применения *venire contra factum proprium* по инициативе суда. В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 указано, что суд обязан вынести на обсуждение вопрос применения последствий недобросовестности, если усматривается очевидное отклонение участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Неисполнение этой обязан-

¹⁴ Малахиров Б.М. Эстоппель и преклюзия в цивилистическом процессе: общее и особенное // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 3–7.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2016 г. по делу № 306-ЭС15-14024, А57-12139/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., например: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 декабря 2019 г. по делу № А32-52722/2018 // Банк решений арбитражных судов.

ности влечет отмену судебного акта¹⁸. Данные положения касаются *mala fides* в сфере материального права (ст. 1, 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). Касательно процессуального аспекта запрета противоречивого поведения ни закон, ни разъяснения высшей судебной инстанции не указывают на необходимость обсуждения с лицами, участвующими в деле, процессуальной недобросовестности на судебном заседании. Представляется, что, принимая во внимание обязанность суда обеспечить справедливое судебное разбирательство, судья по своей инициативе вправе применить правило запрета противоречивого поведения, не учитывая мнений участников гражданского процесса.

По результатам исследования можно отметить следующее:

— для обозначения запрета противоречивого поведения следует использовать терминологический оборот *venire contra factum proprium*, так как в английском праве эстоппель не следует из принципа добросовестности, тогда как в традиции системы стран континентального права *bona fides* является фундаментом *venire contra factum proprium*;

— следует выделять три элемента запрета противоречивого поведения: (1) первоначальное поведение (*factum proprium*), (2) вторичное поведение, которое противоречит первоначальному (*contra factum proprium*), (3) недобросовестность лица, действующего противоречиво (*mala fides*);

— запрет противоречивого поведения необходимо отличать от преклюзии и изменения отдельного пункта сделки в силу конклюдентных действий ее сторон;

— суд по своей инициативе вправе применить правило запрета противоречивого поведения в рамках процессуальных отношений, не учитывая мнений участников гражданского процесса.

¹⁸ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2018 г. № 78-КГ18-53 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Володарский Д.Б. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) / Д.Б. Володарский, И.Н. Кашкарова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.
2. Исаченко В.Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу устава гражданского судопроизводства. В 6 томах. / В.Л. Исаченко. Т. 1. Порядок производства в общих судебных местах. 3-е изд., исп. и доп. Петрозаводск: Тип. М. Меркушева, 1916. 900 с.
3. Карапетов А.Г., Федоров Д.В. Эстоппель / А.Г. Карапетов, Д.В. Федоров. URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppe-lyu-d.-fedorov-a.-karapetov.pdf>
4. Малахиров Б.М. Эстоппель и преклюзия в гражданском процессе: общее и особенное / Б.М. Малахиров // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 3–7.
5. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность / К.В. Нам // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28–74.
6. Тур Н.А. Австрийский устав гражданского судопроизводства 1895 года в сопоставлении с нашим уставом / Н.А. Тур. Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего сената, 1896. 226 с.
7. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореферат диссертации доктора юридических наук / А.В. Юдин. Санкт-Петербург, 2009. 47 с.

References

1. Codrea C. Nemo potest venire contra factum proprium. The coherence principle in European contract law / C. Codrea // CES Working Papers, Centre for European Studies, Alexandru Ioan Cuza University. 2018. Vol. 10. Iss. 3. P. 357–370.
2. Thiago L.S. The Duty of Good Faith Taken to a New Level: An Analysis of Disloyal Behavior / L.S. Thiago // Journal of Civil Law Studies. 2014. Vol. 9. P. 28–54.
3. Vagni L. Protection Of The Purchaser's Reliance In 16th – 18th Century England And Europe / L. Vagni // The Western Australian Jurist. 2012. Vol. 3. P. 1–25.

Казакова Светлана Петровна,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
s005er@mail.ru

Кухарева Олеся Александровна,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
ilya12361@yandex.ru

Юсупова Асия Наилевна,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
Asiya.yusupova@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-18-22

Профессиональное представительство как ограничение права юридического лица (корпорации) на судебную защиту

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа и осмысления института профессионального судебного представительства в свете реализации права юридических лиц на судебную защиту. Результаты работы представлены в виде тезисов об ограничении действующим арбитражным процессуальным законодательством права корпорации на участие в судебных делах в аспекте принципов цивилистического процессуального права. Авторы приходят к выводу о необходимости более гибкого правового регулирования института судебного представительства в целях обеспечения гарантий доступа юридических лиц к правосудию.

Ключевые слова: корпоративные споры, арбитражный процесс, гражданский процесс, судебное представительство, право на судебную защиту.

Право на участие в судебном процессе через представителя является не только одним из правомочий лиц, участвующих в деле, но и важнейшей гарантией реализации таких принципов цивилистического процессуального права, как состязательность, процессуальное равноправие, доступ к правосудию. Право на представителя носит универсальный характер и не может быть ограничено, исходя из целей обеспечения справедливого судебного разбирательства и эффективной судебной защиты. Лишь в особых случаях, прямо указанных в законе, реализация права на участие в деле через представителя предопределяется особыми требованиями. Процессуальная революция 2019 г. ознаменовалась в числе прочих изменений введением в российское арбитражное процессуальное законодательство института профессионального представительства, предполагающего возможность участия представителей на добровольной основе только при условии соответствия их требованиям, указанным в законе¹.

¹ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17 октября 2019 г.) «О внесе-

Согласно ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) представителями в арбитражном суде могут быть адвокаты, лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, если иное не предусмотрено законом².

В научной юридической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что именно профессиональный представитель способен не только эффективно защищать права своего доверителя, но и обеспечивать реализацию состязательных начал процесса. По справедливому утверждению В.В. Яркова, не теряющему актуальности уже почти двадцать лет, защита прав в современном гражданском и арбитражном процессе требует профессионального юридического сопровождения со стороны представителя, прежде всего

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 8 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

адвоката³. Участие в процессе юриста рассматривалось также и в контексте процессуальной экономии. Как подчеркивает Л.А. Прокудина, арбитражным судьям значительно проще и легче рассматривать дела с профессиональными юристами — представителями сторон, поскольку это обстоятельство позволяет им даже общаться на профессиональном языке, и судье не приходится разъяснять сторонам положения и термины материального законодательства, чтобы иметь возможность разобраться с их правовой позицией, требованиями, возражениями⁴. Введение требований о профессиональном представительстве, как представляется, преследует такие цели как повышение эффективности правосудия по делам о защите прав и законных интересов субъектов экономической деятельности, обеспечение процессуальной экономии и как следствие — оптимизацию судебной нагрузки, а также повышение качества квалифицированной юридической помощи, гарантированной ст. 48 Конституции Российской Федерации⁵. С точки зрения воплощения одной из важнейших конституционных гарантий именно профессионализм лица, оказывающего юридическую помощь, позволяет говорить о ее эффективности⁶.

Впрочем, новое правило о профессиональном представительстве достаточно быстро стало предметом научных дискуссий именно в части императив-

ного требования о запрете участия иных лиц, формально не являющихся юристами, но обладающих специальными знаниями и навыками, которые могли бы оказать определенную помощь суду в своевременном, полном и всестороннем рассмотрении и разрешении дела. В частности, обоснованной видится позиция О.Ю. Фоминой, полагающей, что зачастую для того, чтобы выиграть дело, одних только знаний в сфере юриспруденции недостаточно, а добивается успеха тот представитель, который является специалистом в той или иной области спорных правоотношений (в сфере медицины, техники, экологии, электроэнергетики и др.)⁷.

Со временем стало понятно, что правило о профессиональном представительстве содержит в себе еще один дискуссионный момент, связанный с фактическим запретом участия в процессе лиц, которые по своему правовому статусу хотя очень близки к законным представителям юридических лиц, но все же таковыми не являются и при этом не отвечают специальным требованиям ч. 3 ст. 59 АПК РФ. Речь идет об участниках корпораций и спорах с участием корпораций.

Рассуждая об особенностях судебного представительства юридических лиц, необходимо все споры с участием корпораций дифференцировать на две группы, различающиеся в зависимости от того, осуществляется ли защита только прав корпорации или еще и опосредованно (косвенно) прав ее учредителей (участников). К первой группе, объединяющей большинство правовых споров с участием корпорации, применяются общие положения АПК РФ о представительстве, с учетом того обстоятельства, что законный представитель юридического лица может стать и судебным представителем вне зависимости от наличия у него юридических знаний и навыков и который может доверить участие в судебном процессе адвокату

³ См.: Ялков В.В. Современные проблемы доступа к правосудию в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2001. № 1 (29). С. 16.

⁴ См.: Прокудина Л.А. Профессионализация арбитражного процесса (вопросы представительств) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 34–39.

⁵ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.02.2021).

⁶ См.: Кухарева О.А., Семикина С.А., Казакова С.П. Профессиональное представительство в гражданском и арбитражном процессе и его роль в повышении уровня правовой культуры // Правовая культура. 2020. № 1(40). С. 70.

⁷ См.: Фомина О.Ю. Профессиональное представительство: доводы за и против // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 97.

или иному профессиональному представителю.

Принципиально новые тезисы в этом аспекте сформулировал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П⁸, в котором была дана оценка некоторым положениям АПК РФ в части требований к представителям. Напомним, что предмет спора по данному делу был связан с оценкой отказа арбитражного суда в удовлетворении ходатайства в деле по налоговому спору о допуске гражданина К.В. Бударина (одного из учредителей юридического лица и его исполнительного директора) к участию в деле в качестве представителя юридического лица на том основании, что данный гражданин не соответствовал требованиям ч. 3 ст. 59 АПК РФ.

Следует подчеркнуть, что формально указанные действия арбитражного суда по делу были правомерными, поскольку согласно ст. 63 АПК РФ в том случае, если представитель не подтвердит в соответствии со ст. 59 и ст. 60 АПК РФ полномочия, арбитражный суд отказывает в признании полномочий соответствующего лица на участие в деле. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации дал расширительное толкование положениям ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 и ч. 4 ст. 63 АПК РФ, указав, что они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают ограничения права организации поручать ведение дела от имени этой организации в арбитражном процессе связанному с ней лицу, в частности ее учредителю (участнику) или работнику, не имеющему высшего юридического образования либо ученой

степени по юридической специальности, за исключением лиц, которые не могут быть представителями в силу прямого указания закона, при условии, что интересы этой организации в арбитражном суде одновременно представляют также адвокаты или иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие такое образование либо такую степень. Интересно отметить, что в целом приведенное толкование близко к одному из предложенных несколько лет назад вариантов регулирования института представительства, предполагавшему участие наряду с представителем поверенного, который должен был как раз оказывать определенную помощь представителю, правда, организационного характера.

Приведенный выше вывод Конституционного Суда Российской Федерации представляет интерес еще и потому, что в нем институт представительства в том виде, в котором он закреплен в нормах АПК РФ, позволяет при определенных обстоятельствах характеризовать его как «неоправданное и непропорциональное ограничение права на доступ к суду, а значит, и на судебную защиту». Приведенный тезис можно положить в основу характеристики института представительства в сфере корпоративных отношений, специфика которой в самом общем виде включает следующие аспекты.

Во-первых, отношения, опосредующие создание юридического лица, управление им или участие в нем, носят характер мультисубъектных, поскольку могут включать в себя собственно корпорацию (юридическое лицо), учредителей, участников, лиц, входящих в состав органов управления или органов контроля корпорации и других. При этом юридическое лицо, в отношении которого возник корпоративный спор, может занимать различное процессуальное положение⁹.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 5.

⁹ См.: Арбитражное процессуальное право. В 2 ч. Часть 2: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. С.Ф. Афанасьева, И.Ю. Захарьящевой. М.: Издательство «Юрайт», 2018. С. 108 (автор главы — С.В. Моисеев).

Во-вторых, корпорация, имея прямой или косвенный интерес в конкретном деле, вне зависимости от процессуального положения, должна быть уведомлена о рассмотрении дела по корпоративному спору (ст. 225.4 АПК РФ), чем обеспечивается возможность ее участия в судебном процессе. Добавим, что на указанное обстоятельство как на иллюстрацию расхождения общих и специальных положений АПК РФ об участниках арбитражного процесса было справедливо обращено внимание в научной литературе¹⁰.

В-третьих, корпорация выступает в судебном процессе через своих представителей, которые реализуют свои полномочия либо в силу закона и учредительных документов, либо в силу письменного уполномочия. В первом случае речь идет об исполнительном органе корпорации, функции которого согласно ст. 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации могут осуществляться лицом единолично либо несколькими лицами, действующими совместно или независимо друг от друга¹¹.

Вопрос о том, какое процессуальное положение в споре занимает участник корпорации, является неоднозначным. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что участник корпорации, обращающийся в установленном порядке от имени корпорации в суд с требованием о возмещении причиненных корпорации убытков, а также об оспаривании заключенных корпорацией сделок, о применении последствий их недействительности и о применении последствий недействительности ничтожных сделок корпорации, в силу закона является ее представителем, а истцом по делу вы-

ступает корпорация¹². Исполнительный орган корпорации также занимает положение ее законного представителя, однако не совсем понятно, как следует квалифицировать ситуацию, когда оба представителя, участник и директор, займут противоположные правовые позиции по делу. Не случайно в научной литературе применительно к анализу рассмотрения судами дел по корпоративным спорам обращается внимание на учет корреляции интересов всех субъектов корпоративных отношений, а также природы корпоративных отношений. В частности, исследование вопросов регулирования порядка рассмотрения корпоративных дел позволило Е.Я. Токару сделать вывод о том, «что в нашем законодательстве и практике уже существует явление, которое можно назвать «номинальным представительством»¹³.

Корпорация, таким образом, имеет право на участие в судебном процессе по любому из возможных корпоративных споров через своего законного представителя, в качестве которого выступает директор корпорации или иное лицо, действующее на основании учредительных документов без доверенности (ч. 4 ст. 59 АПК РФ), а по некоторым категориям споров — также через своих участников. Впрочем, последние имеют возможность лишь инициировать дело по ряду требований, а во всех остальных случаях могут представлять интересы юридического лица исключительно по доверенности (при условии, если подпадают под требования ч. 3 ст. 59 АПК РФ в части необходимого соответствия квалификационному цензу).

Законный представитель по своему усмотрению вправе выбрать представителя и наделить его полномочиями действовать в интересах корпорации без доверенности. Таким образом, вопрос о

¹⁰ См., например: Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н. Итоги процессуальной реформы процедуры разрешения корпоративных споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 51.

¹¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹² См: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

¹³ Токар Е.Я. Участники корпорации как ее представители // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6–1 (60). С. 69.

возможности представительства в судебном процессе интересов корпорации в большинстве случаев зависит целиком и полностью от ее исполнительного органа.

Соответственно, не исключены ситуации, при которых директору по самым разным причинам будет невыгодно обеспечивать участие в судебном процессе от имени корпорации профессионального представителя. Например, в случае, если директор выступает в качестве ответчика по иску участников корпорации о возмещении убытков, причиненных корпорации. Формально директор, будучи ответчиком, не лишен возможности выступать в качестве представителя корпорации, однако в силу прямого конфликта интересов такое совмещение двух разных процессуальных статусов таит не только риск неэффек-

тивности судебной защиты, но и злоупотребление процессуальными правами. С этой точки зрения возможна ситуация, при которой директор не посчитает необходимым обеспечивать представительство интересов корпорации ни самостоятельно, ни путем наделения соответствующими полномочиями иного лица. В результате юридическое лицо может лишиться возможности осуществить защиту своих нарушенных или оспариваемых прав или законных интересов.

Изложенное выше позволяет заключить о необходимости более гибкого правового регулирования института представительства в арбитражном процессе, с тем чтобы он в полной мере содействовал эффективной реализации права на доступ к правосудию, но не ограничивал его.

Литература

1. Арбитражное процессуальное право. В 2 частях. Ч. 2 : учебник для бакалавриата и магистратуры / под редакцией С.Ф. Афанасьева, И.Ю. Захарьящевой. Москва : Юрайт, 2018. 323 с.
2. Кухарева О.А. Профессиональное представительство в гражданском и арбитражном процессе и его роль в повышении уровня правовой культуры / О.А. Кухарева, С.А. Семикина, С.П. Казакова // Правовая культура. 2020. № 1 (40). С. 64–79.
3. Прокудина Л.А. Профессионализация арбитражного процесса (вопросы представительства) / Л.А. Прокудина // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 14–18.
4. Раздьяконов Е.С. Итоги процессуальной реформы процедуры разрешения корпоративных споров / Е.С. Раздьяконов, И.Н. Тарасов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 49–51.
5. Токар Е.Я. Участники корпорации как ее представители / Е.Я. Токар // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6–1 (60). С. 67–70.
6. Фомина О.Ю. Профессиональное представительство: доводы за и против / О.Ю. Фомина // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 95–101.
7. Ярков В.В. Современные проблемы доступа к правосудию в Российской Федерации / В.В. Ярков // Российский юридический журнал. 2001. № 1 (29). С. 16–29.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

На портале госуслуг заработал новый сервис ФССП России, с помощью которого должники и взыскатели смогут получить оперативную информацию о ходе исполнительного производства

Для направления запроса достаточно указать номер исполнительного производства. Ответ на запрос будет содержать причину и сумму задолженности, наложенные на должника ограничения, действия судебных приставов по исполнительному производству и т.д.

На портале госуслуг также можно оплатить судебную задолженность, подать ходатайство или другое заявление в рамках исполнительного производства.

См.: *Информация Минцифры России от 04.02.2021 «На портале госуслуг теперь доступны сведения о ходе исполнительного производства»*

Бондаренко**Людмила Константиновна,**

профессор кафедры уголовно-
процессуального права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
доктор философских наук
sichaykin@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-23-29

Судебный штраф за нарушение сроков судебной экспертизы

Исследуется проблема назначения судебного штрафа за нарушение сроков предоставления результатов экспертизы (ст. 55 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (далее — АПК РФ). Утверждается, что характер нанесения вреда не соответствует мере несения материально-правовой ответственности. Доказывается, что назначение судебного штрафа имеет репрессивный характер. Предлагается синхронизировать деликт и объем санкции, в согласии с принципами арбитражного судопроизводства, посредством уточнения законодательной техники.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебная экспертиза, правосубъектность, судебный штраф.

Введение. Исследование проблемы несения гражданско-правовой ответственности в арбитражном процессе на современном этапе развития российской цивилистики ведется по нескольким направлениям. В этом плане проблема назначения судебного штрафа пересекается с некоторыми из них. Например, тема судебного штрафа актуализируется в случае рассмотрения состава некоторых публично-правовых деликтов (чаще других объектом исследования является правонарушение «неуважение к суду»¹). Также внимание привлекала тема несения материально-правовой ответственности, которая поднимается с точки зрения разграничения видов ответственности в гражданском процессе: «ответственности в гражданском процессе» и «гражданской процессуальной ответственности»².

В этой связи следует отметить, что тема разграничения видов ответственности актуальна и в арбитражном процессе, как представляется, при выявлении особенностей в юридической связке — судебный штраф за нарушение судебным экспертом сроков экспертизы. В ней можно выделить и нетипичные явления, как-то: трансформация видов ответственности, например, переход «арбитражно-процессуальной ответственности» в гражданскую ответственность.

Прямое отношение к проблеме назначения судебного штрафа имеет рассмотрение процессуальных отношений, возникающих между арбитражным судом и судебным экспертом³. Например, когда поднимаются вопросы об имущественных отношениях арбитражного суда со сведущими лицами.

Более того, косвенно вопрос о несении материально-правовой ответственности участниками судопроизводства поднимается некоторыми

¹ Рыжков К.С. Понятие «Неуважение к суду» в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 49–53; Орлова А.И. Принципы диспозитивности и состязательности цивилистического процесса в аспекте правоприменительной практики наложения судебных штрафов за неуважение к суду // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 4. С. 131–134.

² Загидуллин М.Р. Процессуальная ответственность в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 54–59.

³ Затонова Д.Ю. К вопросу о феномене имущественных процессуальных правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 10–15.

процессуалистами в контексте рассмотрения проблемы соотношения принципов арбитражного и гражданского процесса с институтами ответственности. Например, бременем выполнения обязательств⁴ некоторыми участниками процесса в контексте процессуальных принципов: законности, диспозитивности или состязательности.

Однако, как представляется, до сих пор не выявлено юридическое значение судебного штрафа в арбитражном процессе применительно к сведущим лицам, а именно — к судебному эксперту за нарушение сроков экспертизы. Из данной конкретики вытекает необходимость исследования соотношения характера деликта и меры несения юридической ответственности сведущим лицом, в контексте теоретически условной триады: взаимодействие трех принципов арбитражного процесса — законность, состязательность, разумный срок с — институтами доказательства, доказывания и судебной экспертизы. Вместе с тем следует выделить прикладной уровень данной проблемы, которая, по существу, соотносится одновременно как с правосубъектностью судебного эксперта, так и имеет отношение к законодательной технике, актуальной в институте судебной экспертизы в АПК РФ.

Исследование

1. Как указывается, судебные штрафы в АПК РФ⁵ назначаются главным образом за неисполнение участниками арбитражного процесса процессуальных обязанностей. Это говорит об измене-

нии арбитражно-процессуальной концепции, направленной на повышение требований в сфере обязательственного права ко всем участникам судопроизводства. Тем самым, с одной стороны, стимулируется активное участие сторон в процессе доказывания, что создает благоприятные условия для максимально эффективного отстаивания своей версии нарушения гражданских прав. С другой стороны, законодатель как бы распределяет ответственность за конечный результат судопроизводства между противоборствующими сторонами, реализуя тем самым напрямую принцип состязательности.

В контексте обновленной концепции арбитражного процесса, с явно выраженной демократической тенденцией, наиболее актуальны требования, связанные с институтами доказательства и доказывания, получившими в арбитражном законодательстве наибольшее развитие. Как видится, данные процессы связаны с объективными социально-политическими, экономическими событиями, приведшими к реформам в сфере российского права. Результатом деятельности российского государства стало создание концепции прагматического права (2000–2020), отличающегося ярко выраженной демократической тенденцией. В этом случае распространение судебных штрафов как меры несения публично-правовой ответственности материально-правового характера преимущественно в публичном праве можно считать основным признаком прагматического права.

Однако судебные штрафы получили распространение и в частном праве. Так, судебные штрафы в гражданском и арбитражном процессе выполняют несколько функций: предупредительную, сосредоточенную в нормах-ориентирах и декларативных нормах; контролирующую — в нормах-требованиях и нормах-обязательствах; и репрессивную — в нормах-запретах и нормах-санкциях.

В этой связи в арбитражном процессе предусмотрен судебный штраф:

⁴ Степаненко И.В. К вопросу о наложении судебного штрафа на сторону в арбитражном процессе с учетом принципа состязательности // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 19–23; Орлова А.И. Принципы диспозитивности и состязательности гражданского процесса в аспекте правоприменительной практики наложения судебных штрафов за неуважение к суду // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 4. С. 131–134.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

за неисполнение обязанностей, исходящих из необходимости обеспечения иска; за непредставление вовремя доказательств; за неявку без уважительных причин в судебное заседание свидетелей и сведущих лиц, когда эта явка является для них обязательной. Вторую группу составляют требования, имеющие смешанный морально-этический/дисциплинарный/правовой характер: за нарушение порядка в судебном заседании, за проявленное неуважение к суду (если совершенные действия делинквентны не влекут за собой уголовную ответственность); за правонарушения в сфере исполнительного производства по судебным актам арбитражных судов. Таким образом, данные отношения имеют публично-правовой характер, так как основными процессуальными сторонами являются арбитражный суд и иные лица, предупрежденные заранее о наступлении гражданско-правовой ответственности, в случае нарушения ими процессуального регламента. В этом плане судебные штрафы в арбитражном процессе в своем существе принадлежат к формам публично-правовой (гражданско-правовой) ответственности за виновно совершенное деяние, за которое предусмотрена материально-правовая ответственность.

В этом контексте привлекает внимание судебный штраф, назначаемый в отношении сведущего лица — судебного эксперта (ст. 55; ч. 2 ст. 157; ч. 1, 3, 4, 5, 6, 7 ст. 119 АПК РФ), совершившего правонарушение.

2. Судебная экспертиза, как известно, является исключительно источником доказательства (ст. 64 АПК РФ), которая назначается в арбитражном процессе судом (ст. 82–87 АПК РФ) и, по существу, не может относиться априори к противоборствующим сторонам. Однако на практике можно отметить тенденцию к состязательности экспертиз уже на подготовительной стадии, когда сторонами заранее представляются результаты несудебных экспертиз по одному и тому же предмету спора

(и, соответственно, предмету судебной экспертизы), согласно ст. 9 АПК РФ, провозглашающей принцип состязательности. В этом плане в суде большой вес имеют результаты, представленные судебным экспертом, назначенным судом (ст. 55, ст. 82, 86 АПК РФ), по нескольким объективным основаниям (хотя в АПК РФ доказательства не имеют приоритета: ч. 5 ст. 71 АПК РФ).

Судебный эксперт перед своим назначением проходит соответствующую процедуру проверки на допустимость в качестве такового согласно ст. 23; ч. 1, 2, 3, 4, 7, 9 ст. 86 АПК РФ. В подготовительной стадии в идеале арбитражным судом должны проверяться: общегражданский статус претендента; его компетентность — наличие профильного образования; опыт работы в соответствующей области знаний, согласно объекту и предмету экспертизы. Обязательным является установление степени профессионализма назначаемого лица, как-то: знание специальных методов и владение методами научного анализа объекта экспертизы, что необходимо при составлении заключения, согласно п. 7 ч. 2 ст. 86 АПК РФ. По общему правилу, судебный эксперт дает подписку о несении уголовной ответственности за недостоверность (заведомую ложность) заключения. Причем о несении судебным экспертом уголовной ответственности упоминается в нескольких статьях, что подчеркивает важность достоверности данного источника доказательств. Например, это отражено в ст. 55; ч. 4 ст. 82; п. 4 ч. 2 ст. 86; ч. 5 ст. 154 АПК РФ.

Более того, в отношении сведущих лиц помимо уголовной, при наступлении неблагоприятных обстоятельств (которые, надо отметить, отличаются в арбитраже разнообразием), применяется материально-правовая санкция — судебный штраф. Например, судебный штраф: 1) за неявку эксперта в суд (п. 2 ст. 55; ст. 157 АПК РФ); 2) нарушение сведущим лицом сроков экспертизы (п. 6 ст. 55 АПК РФ); 3) нарушение участниками процесса порядка в зале

судебного заседания (ч. 3, 4 ст. 154 АПК РФ), что гипотетически может быть применено к сведущему лицу, если он проявил неуважение к суду. Наиболее тяжелой мерой материально-правовой ответственности является 4) обязанность возмещения участниками процесса судебных расходов за непредоставление в срок доказательств (ч. 4, ч. 5 ст. 65 АПК РФ), каковыми являются результаты судебной экспертизы.

3. Данные требования исходят из **института доказывания и доказательств**, которые соотносятся с «доминирующим профильным» принципом состязательности доказательств в арбитражном процессуальном праве. Это также, полагаем, косвенно отражено в ст. 65 и ст. 68 АПК РФ. В этих статьях подчеркивается обязательность процесса доказывания в процессуальных рамках, установленных в арбитражном судопроизводстве. В этом плане можно наблюдать трансформацию принципов арбитражного судопроизводства внутри самой системы, которая образует иерархическую подсистему «профильных» процессуальных принципов, принципов-ориентиров; принципов-деклараций; принципов-норм, согласующихся с процессуальными инструментальными нормами арбитражного судопроизводства⁶.

Например, основной принцип законности согласуется с принципом гласности как основное условие состязательности, которое, в свою очередь, соотносится с конституционным принципом, связанным с правами человека — принципом разумного срока. Далее, следует выделить систему норм права, согласующихся вначале с институтом

доказательств и доказывания, затем институтом судебной экспертизы, завершаясь конкретной нормой представления доказательств — заключения — в установленный судом срок. В данном случае принципы гласности и законности напрямую связаны: 1) с правилами получения доказательств в арбитражном процессе; 2) классификацией доказательств по критерию их соответствия источнику доказательств; 3) правилами предъявления доказательств сторонами и участниками процесса в предварительной стадии и стадии судебного заседания.

Таким образом, действия судебного эксперта связаны с общей системой принципов и институтов процессуального права, что отражается на мере несения им ответственности.

Как выяснилось, мера несения ответственности судебным экспертом несоизмеримо выше, чем у того же внешнего рецензента или несудебного эксперта, несмотря на высокий профессионализм последних, что и объясняет значение результатов судебной экспертизы.

Причем, как указано в АПК РФ, судебный эксперт может быть подвергнут двойной санкции: за непредставление в срок доказательства (как судебный эксперт); по возмещению судебных расходов (как участник судопроизводства) — при нарушении принципов, закрепленных в ст. 6 АПК РФ. Такое «парное» наказание является довольно обременительным для судебного эксперта, хотя и исходит из принципов арбитражного процесса (состязательность и разумный срок).

Исходя из этого, следует отметить, что объем материально-правовой публичной ответственности в арбитражном процессе у судебного эксперта отличается от других процессов.

Для сравнения можно привести нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (далее — ГПК РФ), где мера

⁶ Принципы арбитражного процесса пронизывают все этапы производства по каждому арбитражному делу, являясь, в идеале, гарантом соблюдения прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства. Декларативный характер принципов проявляется в их направленности на реализацию арбитражного судопроизводства, согласно конституционным нормам и нормам международного права (примечание автора).

ответственности за ту же неявку в суд гораздо ниже. Например, в п. 2 ст. 168 ГПК РФ⁷ указано, что за неявку в судебное заседание по неуважительным причинам свидетель, эксперт, специалист или переводчик могут быть подвергнуты «штрафу в размере до одной тысячи рублей»⁸.

Судя по установленному в АПК РФ размеру судебного штрафа, как представляется, мера ответственности у судебного эксперта близка к публичному праву — административной⁹ и даже уголовной ответственности¹⁰. Например, обращает на себя внимание формулировка основания для наложения (дисциплинарного) взыскания в уголовном судопроизводстве (если следовать семантике слова «взыскание», установленного в ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ) (далее — УПК РФ¹¹). В данной статье указано, что неисполнение участниками уголовного судопроизводства *процессуальных обязанностей*, а также нарушение порядка в судебном заседании (в соответствии со ст. 258 УПК РФ, Глава 35. Общие условия судебного разбирательства¹²), может быть наложено денежное взыскание в размере *до двух тысяч пятисот рублей* в порядке, установленном

ст. 117 УПК РФ¹³. Хотя в УПК РФ деликт, как-то нарушение сроков экспертизы, не выделен, можно предположить, что оно относится к неисполнению обязательств, что может привести к неблагоприятным последствиям, таким как судебный штраф.

В данном случае, в сравнении с уголовным судопроизводством, в арбитражном процессе, согласно ст. 157, ст. 119 АПК РФ, применяется судебный штраф к сведущему лицу в размере 5 тысяч рублей, минуя такие формы юридической ответственности как правовосстановительная и дисциплинарная. Это вызывает вопросы, так как это непосредственно касается гражданских прав судебного эксперта, а именно: права на вознаграждение за труд. Следует отметить, что в практической экспертной деятельности сумма вознаграждения за экспертизу, в том числе судебную, имеет довольно широкий диапазон. В некоторых случаях стоимость экспертизы может быть значительно меньше размера судебного штрафа¹⁴. В этом дисбалансе — оплаты труда эксперта и размера судебного штрафа — можно усмотреть косвенные признаки нарушения гражданских прав судебного эксперта в рамках арбитражного процесса.

Таким образом, при сравнении институтов публично-правовой ответственности сведущих лиц в гражданском и уголовном процессе в арбитраже санкция в отношении судебного эксперта более существенна. Размер судебного штрафа за (дисциплинарный) деликт больше, чем в гражданском процессе, на 4000 рублей, а в публичном праве — на 2500 рублей. Судя по размеру штрафа, данный деликт может трактоваться как

⁷ Статья 168. Последствия неявки в судебное заседание свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков // Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

⁹ Часть 6 ст. 25.9. Кодекса об административных правонарушениях 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Например, сущность «штрафа» раскрывается в ч. 1, 2, 3 ст. 46 УК РФ. 2. Штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета «...» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² УПК РФ. Статья 258. Меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании.

¹³ Там же.

¹⁴ Стоимость металловедческой экспертизы составляет от 500 рублей до 8900 рублей и выше. См.: Экспертиза металлов. Анализ металла. Стоимость испытаний и экспертизы металлов. Аккредитованная лаборатория. URL: <https://metall-expertiza.ru/> (дата обращения: 13.01.2021). Стоимость искусствоведческой экспертизы в некоторых регионах составляет от 500 рублей (искусствоведческая справка) и выше (примечание автора).

административное правонарушение¹⁵ и даже как уголовный проступок¹⁶. В этом можно усмотреть признаки усиления репрессивных тенденций в арбитраже за последние 10 лет, выразившиеся, например, в необоснованном повышении меры материально-правовой ответственности граждан, участвующих в процессе.

Для сравнения можно привести пример из недавнего прошлого. В 2010 г. судебные штрафы в отношении граждан не превышали 2500 рублей¹⁷. При обозрении судебной практики по ст. 55 АПК РФ¹⁸ за 2016 г. было обращено внимание на отсутствие единообразия в понимании деликта — нарушение сроков экспертизы. Это проявилось в вариативном характере выбора субъекта ответственности (руководитель или эксперт), а также определении размера судебного штрафа. Так, в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 1 декабря 2016 г. был наложен и взыскан судебный штраф с руководителя ФБУ МЮ «Крымская лаборатория судебной экспертизы» Я.Г.В. за нарушение сроков проведения судебной экспертизы в размере 500 руб.¹⁹

Таким образом, в российской судебной практике существовал выбор не только субъекта наложения штрафа (руководитель учреждения или судебный эксперт), но и выбор размера судебного штрафа (от 500 руб. до 2500 руб.). Можно предположить, что размер судебного штрафа зависел от степени нарушения сроков, например, повлекших нарушение сроков судопроизводства, с другой — от того, что арбитражный суд счел достаточным сумму в 500 рублей за данный деликт.

Что же произошло в оценке данного правонарушения в современной версии арбитражного судопроизводства, изменился ли вид или состав деликта по сравнению с предыдущим АПК РФ? При сопоставлении редакций кодекса выяснилось, что состав деликта не изменился. Однако изменилось отношение к институту доказывания. Возможно, именно это привело к повышению материально-правовой ответственности сведущих лиц.

На основе этого можно отметить, что нарушение сроков экспертизы имеет отношение к объективной стороне деликта, формальной стороне — обязательному соблюдению судебным экспертом процессуальных норм, необходимых для института доказательств (и доказывания) в арбитражном судопроизводстве. Вместе с тем назначение судебного штрафа за нарушение сроков экспертизы, как представляется, по формальным основаниям, как-то: характер деликта и санкция в арбитраже не совпадают по нескольким критериям, если исходить из соотношения объема, направленности и результата деликта и меры ответственности, принятых в других видах судопроизводства. Соотношение деликта и меры наказания, как представляется, раскрывает репрессивный характер судебного штрафа в отношении сведущих лиц, что, полагаем, противоречит принципам гражданского права. Это раскрывает основное противоречие между частными и публичными институтами ответственности в рамках арбитражного судопроизводства

¹⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.01.2021 (далее — КоАП РФ). Статья 2.1. Административное правонарушение // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Лебедев В.М. О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год : выступление на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 11 февраля 2020 г.). URL: <https://www.iuaj.net/node/2808>

¹⁷ См.: Апелляция обобщила практику наложения судебных штрафов по главе 11 АПК. 2010 г. URL: <https://pravo.ru/news/view/44004/> (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2018 г. № 305-ЭС18-552 по делу № А40-15873/2017 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2017 г. № 307-ЭС16-18978 по делу № А05-11212/2015 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2017 г. № 310-ЭС17-599 по делу № А62-6916/2014. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁹ Там же.

(ст. 187²⁰, ст. 188²¹ АПК РФ), которое возможно преодолеть.

Заключение. В этой связи предлагается синхронизировать деликт и объем санкции, согласно нормам арбитражного судопроизводства, при этом необходимо учесть следующие условия.

1. Если рассматривать нарушение сроков экспертизы как деликт, в контексте принципов арбитражного судопроизводства: нарушение принципа законности (ст. 6 АПК РФ и ст. 6.1 АПК РФ), как-то: *нарушение прав участников на разумный срок судопроизводства*, то в идеале назначение судебного штрафа должно опираться на механизм, созданный в рамках арбитражного судопроизводства, в сторону уточнения алгоритма взаимодействия субъектов экспертизы, согласно ч. 6 ст. 55; ст. 82; ч. 1 ст. 119 АПК РФ.

2. При рассмотрении деликта как нарушения процессуального порядка в контексте института доказательства (ч. 2 ст. 64; ст. 65; ст. 68 АПК РФ), полагаем, должна быть предусмотрена предупредительно-обеспечительная мера, что может

быть отражено в объеме прав и обязанностей сведущих лиц (ст. 82 АПК РФ). Например, предлагается ввести подпункт в ч. 4 ст. 82 АПК РФ в подготовительной стадии арбитражного судопроизводства *о взятии письменных обязательств* судебным экспертом либо запретительного характера — о ненарушении сроков экспертизы, либо предписывающего характера — о предоставлении результатов экспертизы в срок, согласно ст. 82 АПК РФ. Нарушение данного подпункта было бы логичным основанием для назначения санкции — 5 тыс. рублей.

3. Если рассматривать данный деликт в контексте правонарушения против правосудия — то размер судебного штрафа, полагаем, должен корректироваться в сторону его снижения, согласно нормам гражданского права — до 1000 рублей (п. 2 ст. 168 ГПК РФ), согласно нормам публичного права — до 2500 рублей (ст. 258, 117 УК РФ), что не противоречит ч. 1 ст. 331 АПК РФ. Это, полагаем, более соответствует публично-правовому характеру деликта, который на настоящий момент в сравнении с административным штрафом (ч. 12 ст. 49; ст. 122 КАС РФ) имеет менее благоприятные последствия.

²⁰ АПК РФ. Статья 187. Исполнение определения.

²¹ АПК РФ. Части 1, 2 ст. 188. Порядок и сроки обжалования определений.

Литература

1. Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы назначения судебного штрафа / Ф.Н. Багаутдинов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 2. С. 191–195.
2. Брагин В.М. Иные меры уголовно-правового характера и судебный штраф / В.М. Брагин, В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 3. С. 121–131.
3. Загидуллин М.Р. Процессуальная ответственность в цивилистическом процессе / М.Р. Загидуллин // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 54–59.
4. Затонова Д.Ю. К вопросу о феномене имущественных процессуальных правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта / Д.Ю. Затонова // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 10–15.
5. Орлова А.И. Принципы диспозитивности и состязательности цивилистического процесса в аспекте правоприменительной практики наложения судебных штрафов за неуважение к суду / А.И. Орлова // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 4. С. 131–134.
6. Рыжков К.С. Понятие «Неуважение к суду» в цивилистическом процессе / К.С. Рыжков // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 49–53.
7. Степаненко И.В. К вопросу о наложении судебного штрафа на сторону в арбитражном процессе с учетом принципа состязательности / И.В. Степаненко // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 19–23.

Макеева Елена Борисовна,
 частнопрактикующий юрист
 elena.elena-makeeva@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-30-34

Упрощенное производство в арбитражном процессе: корпоративно-правовые аспекты

В статье рассматриваются отдельные вопросы института упрощенного производства в арбитражном процессе, анализируются причины установления арбитражным процессуальным законодательством запрета на рассмотрение корпоративных споров в упрощенном порядке, сопоставляются особенности споров, подлежащих рассмотрению в упрощенном порядке, и корпоративных споров.

Ключевые слова: упрощенное производство, арбитражный процесс, корпоративный спор, корпорация, суд.

В 2002 г. в арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации впервые было введено понятие «упрощенное производство». С учетом требований времени — перехода страны к рыночной экономике, коммерциализации общества, увеличения количества споров между хозяйствующими субъектами, законодатель сознательно прибег к упрощению процедуры рассмотрения арбитражного спора с целью сделать ее более «легкой», но при этом не менее эффективной. В «сектор обзора» упрощенного производства попали так называемые «малые» дела, несложные с правовой точки зрения и с небольшими по величине материальными требованиями:

- о взыскании денежных средств при цене иска не более восьмисот тысяч рублей для юридических лиц и четырехсот тысяч рублей для индивидуальных предпринимателей;

- об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц в части требования об уплате или взыскании денежных средств либо обращения взыскания на иное имущество заявителя на сумму не более ста тысяч рублей;

- о привлечении к административной ответственности в виде предупреж-

дения или административного штрафа на сумму не более ста тысяч рублей;

- об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности в виде предупреждения или административного штрафа на сумму не более ста тысяч рублей;

- о взыскании обязательных платежей и санкций на сумму не более двухсот тысяч рублей;

- иски, основанные на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, независимо от цены иска;

- по требованиям, основанным на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, независимо от цены иска;

- иные дела по ходатайству истца при согласии ответчика или по инициативе суда при согласии сторон.

В 2020 г. необходимость противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) внесла ощутимые коррективы в работу судебных органов: судебные заседания на период всеобщей самоизоляции откладывались, по некоторым делам про-

изводство приостанавливалось, вводились ограничения на доступ физических лиц в помещения судов, что затягивало судебные разбирательства.

В такой «пиковой» ситуации в обычном режиме рассматривались только дела безотлагательного характера, а также дела приказного и упрощенного производств.

Беспрепятственное рассмотрение дел в упрощенном порядке явилось возможным благодаря таким характерным особенностям упрощенной формы производства, как отсутствие судебных заседаний, в том числе предварительных, исключение таких средств доказывания, как свидетельские показания и проведение судебных экспертиз, сокращенные сроки рассмотрения дел, наличие у суда обязанности составлять мотивированное решение только в случае заявления участником спора соответствующего ходатайства или в случае подачи апелляционной жалобы, упрощенный и ускоренный порядок обжалования судебных постановлений и их немедленное исполнение.

Рассмотрение дела без очного присутствия в суде стороны спора в полной мере соответствует введенным «антиковидным» ограничениям. Возможность ознакомления с материалами дела в электронном виде в режиме ограниченного доступа посредством использования информационной системы «Мой арбитр» также способствует беспрепятственному рассмотрению спора. От лица, участвующего в деле, требуется лишь в установленный судом срок представить все необходимые документы любым удобным для себя способом, в том числе в электронном виде, и ожидать судебного решения.

Прогнозы относительно сроков окончания пандемии до сегодняшнего дня являются неутешительными. Почему бы в таком случае законодателю не расширить перечень дел, рассмотрение которых возможно в порядке упрощенного производства? Насколько оптимален в настоящих непростых условиях список таких споров?

Очертив круг дел, которые подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства, законодатель безапелляционно исключил из них дела по корпоративным спорам. В чем причина такого решения? Корпоративные споры с каждым годом занимают все больший объем рассматриваемых арбитражными судами исков. Применение упрощенного порядка судопроизводства позволяет достаточно быстро получить судебную защиту нарушенных прав, что, несомненно, плюс для хозяйствующих субъектов. Почему же данная категория споров, по мнению законодателя, не может рассматриваться упрощенно? Попробуем разобраться.

Для начала необходимо определиться с понятием «корпоративный спор». Согласно ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации корпоративный спор — это спор, связанный с деятельностью юридического лица, участием в нем и управлением им.

Любая конфликтная ситуация мешает принятию разумных решений и, как следствие, препятствует нормальному функционированию корпорации, а иногда и вовсе приводит к прекращению деятельности организации. При таких обстоятельствах разногласия должны быть разрешены как можно скорее. Возможно ли это без длительного и малоприятного судебного разбирательства?

С одной стороны, для споров, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, и для корпоративных споров характерны одни и те же фундаментальные признаки: наличие как минимум двух участников спора с противоположными взглядами на предмет спора и активным отстаиванием своих точек зрения; нарушение одной стороной интересов другой стороны.

Вместе с тем арбитражные корпоративные споры считаются одними из самых сложных, что объясняется их особенностями.

Во-первых, субъектный состав корпоративного спора отличается много-

численностью. Сторонами конфликта выступают корпорация, ее органы, участники, работники, партнеры, кредиторы, а также контролирующие государственные органы. При этом само юридическое лицо, относительно деятельности которого возникает корпоративный спор, обладает особым правовым статусом. Оно вовлечено в корпоративный спор вне зависимости от наличия статуса участника (стороны) процесса.

Во-вторых, объектом конфликта являются корпоративные правоотношения, а также иные правоотношения, так или иначе связанные с деятельностью корпорации либо ее интересами.

В-третьих, предметом спора может быть любой конфликт интересов в организации. Требования, претензии, лежащие в основе корпоративных споров, возникают по разнообразным поводам и могут носить как материальный, так и нематериальный характер.

К наиболее распространенным ситуациями разногласий в корпорации относятся: создание либо, напротив, прекращение деятельности юридического лица; установление прав на доли в уставном капитале либо акции компании; выпуск ценных бумаг; деятельность лиц, участвующих в управлении организацией; убытки, причиненные юридическому лицу или его участникам; признание сделок недействительными; нотариальное удостоверение сделок с активами компании. Этот перечень не является закрытым.

В-четвертых, особенностью корпоративных споров является их многогранность, сочетание гражданско-правовых, административных, уголовно-правовых и иных правоотношений. Для правовых конструкций корпоративного спора характерен повышенный уровень сложности.

Отношения внутри корпорации регулируются большим количеством диспозитивных норм, т.е. таких правил, которые, с одной стороны, указывают на необходимость определенного поведе-

ния, а с другой стороны, предоставляют определенную свободу в их исполнении. Диспозитивные правила не всегда дают однозначный ответ на вопрос о соответствии либо несоответствии позиций участников корпоративного спора закону. Отдельные особенности правовой регламентации деятельности корпорации могут быть установлены локальными актами корпорации. Суд, рассматривающий корпоративный спор, должен оценить соответствие содержания таких правовых актов закону. Подавляющее большинство корпоративных споров требуют от судьи индивидуального подхода, скрупулезного рассмотрения и глубоких специальных юридических познаний.

В отличие от относительно «простых» дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, корпоративные споры сопровождается сложная коллизия интересов и прав, определяющая особенности судопроизводства.

Корпоративные споры рассматриваются арбитражными судами по общим правилам искового производства с отдельными особенностями, установленными главой 28.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

К исковому заявлению предъявлены дополнительные требования в виде указания в нем государственного регистрационного номера и адреса (места нахождения) юридического лица. Кроме того, к исковому заявлению должна быть приложена выписка из единого государственного реестра юридических лиц или иной документ, подтверждающий государственную регистрацию юридического лица и содержащий сведения о его адресе (месте нахождения) и государственном регистрационном номере.

Учитывая многосубъектность корпоративных споров, законодатель предусмотрел ряд гарантий, направленных на защиту прав корпорации и ее участников, возложив на суд и участников корпоративных споров определенные информационные обязанности.

Процесс по корпоративному спору проходит открыто: информация о подаче иска, движении дела, судебных постановлениях по делу размещается в открытом доступе — на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В этой части ход и освещение арбитражного процесса можно сравнить с делами о банкротстве.

О принятии искового заявления по корпоративному спору к производству, об изменении основания или предмета иска в обязательном порядке информируется юридическое лицо путем направления ему копий соответствующих судебных актов по адресу, содержащемуся в едином государственном реестре юридических лиц. При этом не имеет значения, является ли юридическое лицо стороной спора, поскольку его права и интересы в любом случае затронуты. Даже не имея статуса истца или ответчика, корпорация вправе знакомиться со всеми материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, получать информацию о движении дела с использованием любых общедоступных средств связи.

Суд также вправе возложить на юридическое лицо обязанность по извещению о судебном разбирательстве всех без исключения участников корпорации, лиц, входящих в его органы управления и органы контроля, держателя реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитария.

Кроме того, дополнительные гарантии участников корпоративного спора закреплены в гражданском законодательстве Российской Федерации. Так, ст. 65.2, 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации установлена обязанность инициатора иска о возмещении убытков, о признании сделки недействительной, об оспаривании решения общего собрания по заблаговременному уведомлению других участников корпорации о намерении обратиться и в суд и предоставлении иной имеющей отношение к делу информации.

За неисполнение процессуальных обязанностей на участников корпоративного спора могут быть наложены судебные штрафы.

Одной из отличительных черт корпоративных споров является специфика принимаемых обеспечительных мер. Законодатель определил, что принятие обеспечительных мер в корпоративном споре не должно приводить к фактической невозможности осуществления юридическим лицом деятельности или к существенному ее затруднению, что исключает из перечня возможных обеспечительных мер такие меры, как запрет на проведение заседания совета директоров, общих собраний, запрет на осуществление директором своих полномочий и т.д.

По корпоративным спорам установлен специальный размер встречного обеспечения: по требованиям имущественного характера — не менее половины размера имущественных требований, по требованиям неимущественного характера — исходя из размера возможных убытков ответчика, причиненных обеспечительными мерами, но не менее 50 тыс. рублей для физических лиц и 100 тыс. рублей для юридических лиц.

Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации предусмотрены особые обеспечительные меры, применяемые в корпоративных спорах: наложение ареста на акции, доли, паи; запрет на совершение сделок с акциями, долями, паями; запрет для органов юридического лица на совершение тех или иных действий относительно предмета корпоративного конфликта, а для участников юридического лица — запрет на исполнение таких решений; запрет на запись по учету или переходу прав на ценные бумаги и другие действия по их размещению и обращению.

Для разрешения вопроса о принятии обеспечительных мер суд вправе проводить судебные заседания.

При рассмотрении корпоративных споров в арбитражном процессе в обязательном порядке должны приниматься

во внимание специальные нормы, установленные Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации для данной категории дел. Например, если предметом корпоративного спора является оспаривание ненормативного акта, решения, действия (бездействия) государственного или местного органа власти (организации, должностного лица), то в этом случае дополнительно необходимо обращаться к правилам главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующим рассмотрение требований, вытекающих из публичных отношений.

Заключение мирового соглашения возможно как по делам упрощенного производства, так и по корпоративным спорам. Вместе с тем вопрос о заключении мирового соглашения участниками корпоративного спора не является в судебной практике однозначным. Например, по делам об оспаривании решений общих собраний юридического лица такой способ выхода из конфликта представляется крайне спорным, поскольку может нарушать права акционеров, голосовавших за оспариваемое решение. Участвующие в деле участники корпорации ограничены в своем праве на полный или частичный отказ от иска, изменение оснований или предмета иска, заключение мирового соглашения и соглашения по фактическим обстоятельствам, поскольку совершение указанных действий невозможно без согласия корпорации в лице соответствующего органа и присоединившихся к иску участников. Если соглашение, а равно отказ от иска, его признание нарушают интересы юридического лица и (или) его права, то такие действия судом не принимаются.

Небольшую специфику имеет порядок обжалования определений, вынесенных в делах о корпоративных спорах. Срок для апелляционного обжалования составляет 10 дней, а не 1 месяц. Исключения составляют определения о

прекращении производства по делу и об оставлении заявления без рассмотрения, которые обжалуются в общеустановленные сроки.

Из вышеприведенного достаточно поверхностного анализа норм арбитражного процессуального законодательства, регламентирующих рассмотрение корпоративных споров, следует, что корпоративный спор — это сложный, долгий, затратный со всех точек зрения процесс, аккумулирующий в себе самый сложный комплекс правовых отношений, с большим объемом взаимодействия между участниками спора, деловой переписки, первичной документации и иных доказательств по делу, однозначно требующий вербального контакта между судом и участниками спора, обеспечения свободы выбора лицами, участвующими в деле, процессуальных средств доказывания своей позиции по делу.

Если отсутствие судебных заседаний, сокращенные сроки рассмотрения дела и обжалования судебного постановления, немедленное исполнение решения допустимы в делах упрощенного производства с учетом малочисленности их субъектного состава, небольшого объема доказательственной базы, относительной бесспорности и правовой несложности таких дел, то применение такого усеченного, ускоренного, облегченного порядка в корпоративных спорах способно парализовать работу суда, корпорации, привести к невозможности реализации участником корпоративного спора своей активной правовой процессуальной позиции, и, как следствие, неполному, неэффективному рассмотрению спора, увеличению количества судебных ошибок и снижению эффективности правосудия.

При таких обстоятельствах решение законодателя об исключении корпоративных споров из перечня дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, представляется абсолютно оправданным.

Шевченко Илья Михайлович,
доцент кафедры финансового права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
i.shevchenco@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-35-39

К вопросу о правовой природе судебного зачета

Автор, рассуждая о моменте, когда обязательства прекращаются в результате судебного зачета, приходит к выводу о том, что решение этого вопроса упирается в понятие судебного решения. В статье приводятся решения поставленного вопроса в зависимости от применения теории декларации или теории приказа.

Ключевые слова: судебный зачет, решение арбитражного суда, единообразие судебной практики.

Поводом к написанию настоящей статьи стало следующее дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ).

АО «СИА Интернейшнл ЛТД» обратилось в арбитражный суд с иском к ООО «Фармалайн» о взыскании 11 375 794 руб. 38 коп. неустойки.

Суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции и суд округа, удовлетворил иск.

Обстоятельства дела были следующими.

Между АО «СИА Интернейшнл ЛТД» и ООО «Фармалайн» было заключено два встречных договора поставки, причем по первому из них истец был поставщиком, а по второму — покупателем, а ответчик — наоборот.

Решением арбитражного суда по другому делу (А40-242406/2015) суд удовлетворил первоначальный иск на суммы 35 087 466 руб. 67 коп. основного долга и 12 296 378 руб. 51 коп. неустойки (начислена по 12.05.2016) и встречный иск на сумму 23 587 282 руб. основного долга (требование о взыскании неустойки не заявлено). В результате зачета встречных однородных требований в пользу АО «СИА Интернейшнл ЛТД» с ООО «Фармалайн» взыскано 11 500 184 руб. 67 коп. основного долга и 12 296 378 руб. 51 коп. пеней.

В последующем суд апелляционной инстанции по указанному делу в части (на сумму 10 957 221 руб. 65 коп. основного долга, взысканного в пользу АО «СИА Интернейшнл ЛТД») отменил решение ввиду частичного погашения долга, а в остальной части оставил решение без изменения.

Суд округа оставил постановление суда апелляционного суда без изменения.

В рамках второго, т.е. анализируемого нами дела (А40-79380/2017) АО «СИА Интернейшнл ЛТД» обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании с ООО «Фармалайн» неустойки, начисленной с 13 мая 2016 г. по 27 марта 2017 г. на сумму основного долга (35 087 466 руб. 67 коп.), и далее на сумму долга с учетом погашения части суммы в результате зачета по решению суда, а также тремя платежами, произведенными 17 апреля 2017 г., 18 апреля 2017 г. и 19 апреля 2017 г.

АО «СИА Интернейшнл ЛТД» указывало на то, что зачет, произведенный судом, прекращает обязательства в момент вступления решения в законную силу (в данном случае 27 марта 2017 г.).

Суды первой и апелляционной инстанций, а также суд округа согласились с подобной позицией истца.

Однако Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) признал выводы судов неверными, обратив внимание на следующее.

Подача заявления о зачете является выражением воли стороны, т.е. односторонней сделкой, направленной на прекращение встречных обязательств, и одновременно исполнением требования закона, установленного к процедуре зачета (ст. 154, 156, 410 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ). Дата такого заявления не влияет на момент прекращения обязательства; он определяется моментом наступления срока исполнения того обязательства, срок которого наступил позднее.

Предъявление встречного иска, направленного к зачету первоначальных исковых требований, является по сути тем же выражением воли стороны, оформ-

ленным в исковом заявлении и поданным в установленном процессуальным законодательством порядке. Изменение порядка оформления такого волеизъявления — подача искового заявления вместо направления заявления должнику/кредитору — не должно приводить к изменению момента прекращения обязательства, поскольку предусмотренные ст. 410 ГК РФ основания для зачета (наличие встречных однородных требований и наступление срока их исполнения) остаются прежними. В ином случае материальный момент признания обязательства по договору прекращенным ставится в зависимость от процессуальных особенностей разрешения спора, на которые эта сторона повлиять не может.

Дело было направлено на новое рассмотрение (определение ВС РФ от 16 августа 2018 г. № 305-ЭС18-3914)¹.

Анализируя позицию ВС РФ, мы бы хотели обратить внимание на следующий вопрос. Поскольку Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ допускает то, что односторонняя сделка по зачету встречного однородного требования может быть отражена во встречном иске, мыслима ситуация, при которой встречный иск будет направлен другой стороне спора и получен ею, но, тем не менее, не будет принят к производству суда.

Это возможно в свете того, что, коль скоро совместное рассмотрение как первоначального, так и встречного иска направлено на оптимизацию судебной деятельности, у суда имеются широкие дискреционные полномочия в решении вопроса о принятии к производству встречного иска. Например, в определении от 24 ноября 2017 г. № 305-ЭС17-16954 ВС РФ не усмотрел достаточных оснований для передачи дела на рассмотрение по существу Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ, признав правомерным вывод суда о том, что принятие к производству встречного иска повлекло бы затягивание рассмотрения дела.

Такие случаи имеют место, как правило, тогда, когда встречные иски поступают в суд за 2–3 дня до даты судебного разбирательства. Зачастую это делается для недобросовестного затягивания рассмотрения дела.

¹ О развитии судебной практики до и после принятия указанного определения см.: Романова О.И. Анализ судебной практики по вопросу момента прекращения обязательств зачетом // Вестник экономического правосудия. 2019. № 9. С. 172–188.

Однако в таком случае, следуя логике определения ВС РФ от 16 августа 2018 г. № 305-ЭС18-3914, мы должны были бы признать, что зачет тем не менее состоялся. Раз облечение заявления о зачете в форму встречного иска не меняет его сделочной природы, его эффект как односторонней сделки наступает в момент получения заявления контрагентом (ст. 165.1 ГК РФ).

Но в таком случае мы входим в противоречие с подходом, приведенным в п. 1 Обзора практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований, направленного в суды информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 29 декабря 2001 г. № 65 (далее — Обзор № 65).

В нем указано, что обязательство не может быть прекращено зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил после предъявления иска к лицу, имеющему право заявить о зачете. В этом случае зачет может быть произведен при рассмотрении встречного иска.

Возникшее противоречие, как нам представляется, восходит корнями к глубокой процессуальной проблеме определения природы судебного решения в контексте его соотношения с тем материальным правоотношением, на установление которого оно направлено.

Напомним, что по данной проблеме существует две теории: теория декларации и теория приказа.

В рамках первой из них утверждается, что судебное решение ничего не добавляет к спорному материальному правоотношению, а лишь констатирует определенное его состояние на дату вынесения решения. При этом обязательная сила судебного решения проистекает не из властных полномочий суда, а из принудительной силы закона, применимая норма которого выявлена судом при рассмотрении дела. Исполняя решение в принудительном порядке, судебный пристав-исполнитель действует не ввиду возложения на него соответствующей обязанности судом, а вследствие наличия у него служебных обязанностей как должностного лица публично-правового образования.

В рамках второй из названных теорий, напротив, утверждается, что с момента, когда материальное правоотношение становится предметом судебного установления,

оно перестает быть тождественным самому себе, поскольку к нему добавляется публично-правовой элемент, проистекающий из властных полномочий суда как органа публичной власти. В таком случае исполнение судебного акта, в том числе действиями судебного пристава-исполнителя, происходит ввиду непосредственно властного веления суда².

Практическим последствием применения той или иной теории является ответ на вопрос о том, вправе ли стороны правоотношения изменить или прекратить его собственными действиями, т.е. без посредства суда, например, прекратить или изменить гражданско-правовое обязательство способами, предусмотренными ст. 409, 410, 414, 415 и 450 ГК РФ.

Если в рамках теории декларации на этот вопрос дается положительный ответ, то в рамках теории приказа — напротив, отрицательный. Выше мы уже привели пример из п. 1 Обзора № 65.

Другой пример воплощения теории приказа — п. 7 Обзора практики применения арбитражными судами ст. 414 ГК РФ, направленного в суды информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2005 г. № 103.

В данном пункте указано, что соглашение о новации между взыскателем и должником, совершенное на стадии исполнительного производства, но не утвержденное судом в качестве мирового соглашения, является незаключенным.

Теория приказа более утилитарна и проста в применении, в особенности судами. Если после возбуждения судебного процесса с материальным правоотношением что-то происходит, но при этом никак не отображается в процессе, то изменения считаются несостоявшимися. В результате суду проще контролировать все то, что происходит со спорным материальным правоотношением.

Однако у подобного подхода есть и слабая сторона. Критики теории приказа и одновременно сторонники теории декларации указывают на то, что соображения сугубо практического свойства не должны ис-

кажать суть явлений. Так, Д.Б. Володарский на примере исполнения судебного решения об отобрании у ответчика и передаче истцу индивидуально-определенной вещи (ст. 398 ГК РФ) показывает, что принудительные действия судебного пристава-исполнителя в такой ситуации — все равно суть действия самого должника. Основанием перехода права собственности в данном случае будет передача вещи в порядке ст. 224 ГК РФ, а не действия судебного пристава-исполнителя. Главы 14 и 15 ГК РФ не содержат такого основания для возникновения или прекращения права собственности как отобрание у ответчика и передача истцу индивидуально-определенной вещи силами должностного лица публичной власти³.

Не стремясь разрешить эту давнюю научную проблему, проследим, как принятие того или иного подхода по ней повлияет на решение поставленного нами вопроса.

Если мы придерживаемся теории приказа, то судебный зачет будет считаться совершенным только в момент вступления в законную силу соответствующего решения суда. Проводя до конца названную теорию, мы должны учесть, что подача встречного иска, содержащего заявление о зачете, — это процессуальное действие⁴.

Однако непосредственный правовой результат процессуального действия, совершенного стороной спора, наступает лишь тогда, когда на него реагирует суд. Например, если лицо, участвующее в деле, подает ходатайство об отложении судебного разбирательства, то его правовой результат наступит лишь тогда, когда суд вынесет определение об отложении судебного разбирательства или, напротив, об отказе в таковом. Сам факт подачи ходатайства порождает у суда обязанность рассмотреть его, однако возникновение такой обязанности не является самоцелью заявителя; его цель состоит в результате рассмотрения ходатайства по существу.

Итак, в рамках теории приказа мы приходим к выводу о том, что судебный зачет происходит только в момент вступления в законную силу судебного решения, принятого по результатам рассмотрения первоначального и встречного исков. Более того,

² Володарский Д.Б. К вопросу о воздействии судебного акта на осуществленное через суд материально-правовое притязание // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 12. С. 10–20; Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 20–21.

³ Володарский Д.Б. Указ. соч. С. 12–15.

⁴ Как отмечал Е.В. Васильковский, процессуальные действия совершаются как судом, так и сторонами спора. См.: Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 184–186.

анализ конкретных судебных решений, выносимых на практике, показывает, что большинство судов придерживается именно таких воззрений на судебный зачет.

Резолютивные части этих решений обычно выглядят следующим образом: «взыскать с А (истец) в пользу В (ответчик) сумму N по первоначальному иску; взыскать с В (истец по встречному иску) в пользу А (ответчик по встречному иску) сумму М; произвести зачет встречных требований; в результате зачета взыскать с А (или В) в пользу В (или А) сумму Р».

Весьма характерный пример такого подхода — решение Арбитражного суда города Москвы от 15 ноября 2016 г. по делу № А40-242406/2015, явившемуся предтечей дела № А40-79380/2017, анализируемого в рамках настоящей статьи.

Таким образом, сами суды подспудно воспринимают зачет встречных требований, ставших предметом спора, как происходящий в момент вступления в законную силу соответствующего судебного акта.

Если же, напротив, придерживаться теории декларации, то не возникает никакого противоречия с тем, чтобы зачет считался совершенным в момент получения другой стороной по зачитываемым обязательствам соответствующего заявления, в том числе содержащегося в тексте встречного иска, и при этом имел бы обратную силу (п. 3 Обзора № 65).

При подобном подходе формулировки резолютивных частей решений должны быть другими. Если допустимо производство зачета путем совершения односторонней сделки, в том числе в ходе рассмотрения спора, то суду следовало бы указывать на имевший место зачет в мотивировочной части решения, а в его резолютивной части взыскивать лишь конечную сумму в зависимости от получившегося сальдо.

Позиции о допустимости внесудебного зачета требования, ставшего предметом судебного установления, придерживается А.А. Павлов. Автор указывает, что наличие в АПК РФ возможности предъявить встречный иск, направленный на зачет требования по первоначальному иску (ст. 132 АПК РФ), не означает недопустимости зачета во внесудебном порядке. По мнению ученого, право выбора судебной или внесудебной формы принадлежит инициатору зачета. Содержание спорного гражданско-правового обязательства не изменяется после принятия к производству иска, направ-

ленного на его судебное установление. При спорности предъявляемого к зачету встречного требования суд не лишен возможности проверить его обоснованность. Поскольку принятие иска к производству не лишает ответчика права погасить обязательство, возможность зачета как суррогата исполнения обязательства также не должна быть ограничена⁵.

Только в рамках подхода, основанного на теории декларации, возможен феномен обратной силы зачета, который, как указывает А.В. Егоров, является отголоском автоматического зачета, происшедшего в Средние века в силу закона (*ipso iure*). При этом обратная сила зачета признается во многих современных правовых системах, например, в немецком и австрийском праве, несмотря на то, что в них для зачета требуется волеизъявление одной из сторон встречных обязательств⁶.

Подход, основанный на теории декларации, полностью соответствует правовой позиции, занятой ВС РФ в определении от 16 августа 2018 г. № 305-ЭС18-3914, однако входит в противоречие с п. 1 Обзора № 65.

Возникает вопрос о том, не пересмотрел ли ВС РФ подход, отраженный в п. 1 Обзора № 65, и не стала ли судебная практика придерживаться теории декларации. Следует отметить, что в определении от 15 июня 2015 г. № 307-ЭС15-1559 ВС РФ также высказал позицию о том, что действующее законодательство не ограничивает право должника на применение ст. 412 ГК РФ и зачет против требования нового кредитора своего встречного требования к первоначальному кредитору, подтвержденного судебными актами.

Следовательно, пересмотр позиций, основанных на теории приказа, начался еще раньше, чем было принято определение от 16 августа 2018 г. № 305-ЭС18-3914.

В то же время в последнем из указанных определений ВС РФ содержатся ссылки на Обзор № 65, в связи с чем сложно утверждать, что он полностью утратил свою актуальность.

⁵ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 778.

⁶ Егоров А.В. Германская модель зачета в приложении к российским реалиям: теория и практика // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 23, 24.

Следует также отметить, что разъяснения, отраженные в информационных письмах Президиума ВАС РФ, формально не обладают обязательной силой, однако имеют важное значение для формирования судебной практики и, как правило, учитываются судами.

Более того, в силу п. 61.9 Регламента арбитражных судов, утвержденного постановлением Пленума ВАС РФ от 5 июня 1996 г. № 7 (с изменениями и дополнениями), с момента размещения информационного письма на Интернет-сайте ВАС РФ (www.arbitr.ru), судебная практика применения законодательства по соответствующим вопросам считается определенной.

И если ВС РФ после объединения с ВАС РФ получил право пересматривать постановления Пленума ВАС РФ (ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»), то применительно к информационным письмам такого разъяснения не закреплено.

В связи с этим возникает неопределенность в приверженности судебной практики подходу, отраженному в п. 1 Обзора № 65.

Здесь, возможно, нам возразят, что разрешение тех или иных научных вопросов не относится к задачам судебной практики, и не столь важно, каких доктринальных пози-

ций придерживаются суды. Следовательно, зачем пересматривать подход, заложенный в п. 1 Обзора № 65, по соображениям лишь доктринального характера?

Однако, с нашей точки зрения, единообразия судебной практики должно заключаться именно в одинаковых подходах к решению тех или иных научных вопросов. Именно так оно и понималось до революции.

Например, М.И. Малинин, отталкиваясь от исходного тезиса о том, что суд должен быть равным для всех, утверждал, что подобное равенство гарантируется за счет одинакового толкования закона разными судами, а это, в свою очередь, обеспечивается проникновением в правоприменительную практику научных начал и приемов. Поэтому, указывал автор, все действия суда должны совершаться на основании научного понимания и приложения закона⁷.

В свете этого нам только предстоит осознать категорию «единообразие в применении и (или) толковании судами норм права», содержащуюся в п. 3 ст. 308.8 АПК РФ.

Само понимание глубоких научных проблем, сокрытых в тех или иных делах, позволяет лучше понять судебную практику и определить направления ее дальнейшего развития. Рассмотренный нами вопрос о судебном зачете — яркий тому пример.

⁷ Малинин М.И. Труды по гражданскому процессу. М., 2014. С. 412.

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. Москва : Зерцало, 2003. 464 с.
2. Володарский Д.Б. К вопросу о воздействии судебного акта на осуществленное через суд материально-правовое притязание / Д.Б. Володарский // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 12. С. 6–22.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2017. 1120 с.
4. Егоров А.В. Германская модель зачета в приложении к российским реалиям: теория и практика / А.В. Егоров // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 4–24.
5. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. Москва : Юридическая литература, 1966. 192 с.
6. Малинин М.И. Труды по гражданскому процессу / М.И. Малинин. Москва : Статут, 2014. 640 с.
7. Романова О.И. Анализ судебной практики по вопросу момента прекращения обязательств зачетом / О.И. Романова // Вестник экономического правосудия. 2019. № 9. С. 172–188.

Потапова Лариса Витальевна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры

Российской Федерации,

кандидат исторических наук,

советник юстиции

polavit@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-40-43

Основные проблемы развития института примирительных процедур в гражданском процессе

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития института примирительных процедур в гражданском процессе. Автор анализирует точки зрения ученых о понятии «примирительные процедуры», на основании чего выделяет ряд характерных признаков. Исследование нормативно-правовой базы по данному вопросу позволяет систематизировать ключевые виды примирительных процедур в гражданском процессе — переговоры, медиация, судебное примирение. Несмотря на то, что в законе данные процедуры нашли свое отражение, в практической деятельности к ним обращаются достаточно редко, что обусловлено некоторыми проблемами, в частности низким уровнем юридической грамотности населения; отсутствием четко проработанной информационной работы с гражданами; недоверием людей к новому правовому институту; достаточно высокой стоимостью услуг, предоставляемых медиаторами, и т.д. Все это требует оперативного разрешения, что позволит сократить нагрузку на судебные органы и повысить качество процесса.

Ключевые слова: примирительные процедуры, переговоры, медиация, судебное примирение, гражданский процесс, урегулирование споров.

В последние годы на законодательном уровне предпринимался ряд шагов, направленных на предупреждение увеличения количества дел, рассматриваемых в суде. Это обусловлено тем, что непрерывно возрастающая нагрузка на судебные органы оказывает негативное влияние на качество и оперативность разрешения возникающих споров. С учетом этого появилась необходимость развития внесудебных и досудебных способов регулирования конфликтных ситуаций по определенному кругу дел. Одним из наиболее перспективных направлений является институт примирительных процедур.

Следует подчеркнуть, что нормы, регулирующие порядок применения примирительных процедур в гражданском процессе, нашли свое легальное закрепление в главе 14.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). Однако кодекс не содержит четко сформулированного определения, что представляют собой примирительные процедуры, ограничиваясь принципами примирения сторон (добровольность, сотрудничество, равноправие, конфиденциальность), указанием на возможность примирения на любой стадии процесса, основанием примирения

(по ходатайству сторон либо по предложению суда), видами примирительных процедур (переговоры, медиация, судебное примирение), итоговыми результатами, в частности мировое соглашение, его форма, содержание, утверждение и исполнение¹.

Поскольку в ГПК РФ отсутствует определение термина «примирительные процедуры», целесообразно рассмотреть научные точки зрения ученых по данному вопросу. Это позволит уяснить сущностно-содержательную характеристику данного института и выявить основные проблемные моменты его развития в гражданском процессе.

О.Н. Здрок предлагает понимать под примирительными процедурами процедуры, предусмотренные законом, договором или существующие на уровне обычая, главная цель которых сводится к урегулированию конфликта сторонами посредством выработки соглашения в ходе переговоров с привлечением третьих лиц либо без такового соглашения. Итоговым результатом примирительных процедур выступает отказ сторон конфликта от

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

обращения за его разрешением в юрисдикционные органы либо окончание юрисдикционного процесса без вынесения правоприменительного акта, разрешающего дело по существу².

Анализируя представленное О.Н. Здрок определение, можно выделить ряд концептуальных признаков, характеризующих данное понятие. К ним относятся следующие:

- определенная степень формализации процедуры (нормативно-правовое, договорное регулирование либо закрепление определенной последовательности действий на уровне обычая);

- цель (реальное урегулирование возникшего конфликта);

- объект (социальный конфликт);

- субъекты (стороны конфликта и при необходимости иные лица);

- метод (деюридизация конфликта за счет неюрисдикционного характера деятельности лиц, принимающих участие в процедуре; отказа от состязательности и установления коммуникации по переговорному (дискурсивному) типу; возможности урегулирования конфликта не только на основе норм права, но и иных социальных норм, а также самостоятельно вырабатываемых сторонами конфликта моделей поведения);

- результат (заключение соглашения об урегулировании конфликта).

Т.Г. Лимарь отмечает, что основная цель примирительных процедур заключается в сохранении доверительных партнерских отношений посредством выработки наиболее приемлемого выхода из создавшегося конфликта без определения виновной стороны³. Данная позиция свидетельствует о возможности развития деловых отношений субъектов на перспективу.

Вместе с тем, несмотря на преимущества, которые несет в себе идея применения института примирительных процедур в гражданском процессе, на практике возникает целый комплекс проблем, которые препятствуют его полноценному развитию.

Так, анализируя судебную статистику, приходим к выводу, что к 2020 г. лишь

0,008% дел в судах общей юрисдикции и 0,002% дел в арбитражных судах прошли при участии медиаторов⁴. Это можно объяснить несколькими причинами, а именно:

- низкий уровень юридической грамотности населения;

- отсутствие грамотно проработанной информационной работы с гражданами;

- недоверие к новому правовому институту;

- достаточно высокая стоимость услуг, предоставляемых медиаторами, и т.д.

Вполне логично, что далеко не каждый согласится доверить решение вопроса постороннему человеку, который, в свою очередь, не дает гарантии заключения медиативного соглашения на взаимовыгодных условиях. При этом оплата предоставленных услуг должна быть осуществлена независимо от исхода дела.

Существенной проблемой, сдерживающей развитие примирительных процедур, в частности медиации, выступает недостаточное нормативно-правовое регулирование данной сферы. Так, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не раскрывает должным образом, как именно примирительные процедуры могут быть вписаны в процесс по конкретным делам, не содержит мер стимулирующего характера⁵.

Д.Ю. Гришмановский и В.В. Баранова указывают на то, что отсутствует законодательное закрепление категорий дел, по которым должна проводиться обязательная примирительная процедура⁶. В данном случае утрачивается ключевая цель, для которой и вводился данный закон. Скептически настроенные или просто не проинформированные о данной процедуре субъекты продолжают обращаться в суд, что не снижает нагрузку на судебную систему.

² Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Минск, 2019. С. 22.

³ Лимарь Т.Г. Правовые основы примирительных процедур по гражданско-правовым спорам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 136.

⁴ Шафоростова К.И. Медиация и судебное примирение: общие черты, различия, перспективы // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2018. № 5. С. 124.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

⁶ Гришмановский Д.Ю., Баранова В.В. Проблемы развития института медиации в России и пути их преодоления // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 19.

В то же время, если закрепить обязательность применения процедуры медиации по некоторым категориям дел на законодательном уровне, это нарушит принцип добровольности. Поэтому, исчерпав возможности процедуры медиации, но не получив желаемого результата, необходимо сохранить возможность обращения в суд. В этом случае медиация позволит более четко понять свои требования и требования другой стороны и тем самым ускорить судебный процесс.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, непосредственно связанные с ограниченностью споров, по которым может применяться медиация. В соответствии с действующим законодательством медиация применяется к спорам, которые возникают из гражданских, семейных, трудовых, экономических и иных связанных с предпринимательской деятельностью отношений. При этом главным условием является то, что такие споры не затрагивают интересы третьих лиц, не участвующих в медиации, а также публичные интересы. Учитывая данное обстоятельство, приходим к выводу, что медиация не применяется к коллективным трудовым спорам, а также публично-правовым спорам. В этой связи указанное ограничение автоматически исключает жилищные, административные, публично-правовые и другие виды конфликтов, которые также могли бы разрешиться посредством нахождения определенного компромисса.

В целях устранения вышеназванной проблемы целесообразно расширить сферу распространения медиации, ограничив ее действие особо сложными категориями дел.

Данное предложение порождает еще один проблемный момент — какой субъект будет давать квалифицированную оценку сложности дела и как исключить субъективный фактор. В контексте данного вопроса целесообразно возложить данную обязанность на судью, если дело уже передано на рассмотрение суда или третейского суда. В этом случае судья должен быть законодательно ограничен в возможности направления на обязательную процедуру медиации. В то же время сами участники конфликта имеют полное право обратиться к медиатору на основании взаимного согласия.

Законодательные новеллы предусматривают новую процедуру удостоверения нотариусом медиативного соглашения,

которое было достигнуто сторонами конфликта. Оно, в свою очередь, приравнивается к числу исполнительных документов и призвано существенно упростить процесс взыскания участниками дела потенциального долга, минуя судебный орган.

В то же время введение такого исполнительного документа с более простой процедурой применения может повлечь за собой злоупотребление правами со стороны недобросовестных участников спора.

Немаловажное значение имеют вопросы практического применения такой новой примирительной процедуры, как судебное примирение. Применение данной процедуры порождает возникновение нового участника гражданского процесса — судебного примирителя, которым может быть только судья в отставке.

Основные цели и задачи судебного примирения отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41, в соответствии с которым оно проводится для достижения сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования конфликта с учетом интересов сторон. При этом приоритетными задачами являются следующие⁷:

- соотнесение и сближение позиций сторон по делу;
 - выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон;
 - оказание им содействия в достижении результата примирения.
- Закон возлагает на данного субъекта следующие полномочия:
- ведение переговоров со сторонами и третьими лицами, которые принимают участие в конкретном деле;
 - изучение предоставленных документов;
 - ознакомление с материалами дела при получении согласия суда;
 - дача сторонам рекомендаций по скорейшему урегулированию спора и сохранению деловых отношений;
 - осуществление иных действий, которые предусмотрены регламентом проведения судебного примирения и необходимы для урегулирования конфликта.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 1.

Необходимо обратить внимание на то, что российский менталитет, правовые традиции и уровень правовой культуры большинства граждан препятствуют активизации внедрения судебного примирения. Необходимо разработать и внедрить стимулирующие механизмы и императивные предписания к обращению к данной процедуре со стороны процессуального законодательства⁸.

Прежде всего, для нормального функционирования целесообразно создать такие условия, при которых населению было бы выгодно идти к судебным примирителям. Одним из возможных путей выступает увеличение стоимости государственной пошлины при обращении в суд.

Так, в настоящее время уже предприняты некоторые шаги в данном направлении. При заключении мирового соглашения, отказе истца от иска, признании иска ответчиком до вынесения судом первой инстанции окончательного решения истец имеет право на получение 70% от суммы уплаченной государственной пошлины за рассмотрение иска. Если дело дошло до мирового соглашения на стадии рассмотрения в суде апелляционной инстанции, сумма составляет 50% госпошлины, на стадии кассационного оспаривания либо надзора — всего 30%. Это выступает своеобразным стимулом для сторон.

Более того, часть споров вполне можно разрешить с участием грамотного посредника, без обращения в суд. Однако услуги медиатора на сегодняшний день оплачиваются за счет спорящих сторон и стоят достаточно дорого⁹. Альтернативой должна выступить именно процедура судебного примирения, поскольку все расходы оплачиваются за счет бюджетных средств.

В целом регламент судебного примирения — новый институт, имеющий хороший потенциал. Однако практика его применения достаточно ограничена. Но в любом случае в целях совершенствования порядка применения данного института необходимо более детально проработать механизм с учетом нюансов, на которые укажет практика.

Таким образом, идею существования примирительных процедур следует оценивать положительно. Их можно рассматривать как один из перспективных способов разрешения гражданско-правовых споров. Они призваны не только снизить нагрузку на судебные органы, повысив тем самым качество рассматриваемых дел, но и содействовать мирному урегулированию конфликта. Это, в свою очередь, позволяет определить примирительные процедуры как элемент новой процессуально-правовой парадигмы. Именно поэтому так важно устранить существующие проблемы в данной сфере.

⁸ Гавриленко В. Новые виды примирительных процедур: что именно изменится и как отразится на судебном процессе? // СПС «Гарант».

⁹ Лисицын Ю.В., Трофимова М.С. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство // Beneficium. 2020. № 1(34). С. 97.

Литература

1. Гавриленко В. Новые виды примирительных процедур: что именно изменится и как отразится на судебном процессе? / В. Гавриленко // Гарант.ру. 2019. 19 сентября.
2. Гришмановский Д.Ю. Проблемы развития института медиации в России и пути их преодоления / Д.Ю. Гришмановский, В.В. Баранова // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 19–22.
3. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореферат доктора юридических наук / О.Н. Здрок. Минск, 2019. 52 с.
4. Лимарь Т.Г. Правовые основы примирительных процедур по гражданско-правовым спорам / Т.Г. Лимарь // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 133–140.
5. Лисицын Ю.В. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство / Ю.В. Лисицын, М.С. Трофимова // Beneficium. 2020. № 1 (34). С. 95–102.
6. Шафоростова К.И. Медиация и судебное примирение: общие черты, различия, перспективы / К.И. Шафоростова // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2018. № 5. С. 123–129.

Тимофеев Юрий Алексеевич,
доцент кафедры гражданского
процесса Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
kafedra_gp@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-44-48

Судебное примирение: проблемы и перспективы

Принцип добровольности участия в примирительной процедуре, при пассивном поведении сторон, не должен выступать препятствием для первичного обращения сторон к судебному примирителю для обсуждения перспектив мирного урегулирования спора и проведения судебного примирения. Такое обращение должно инициироваться судом при обнаружении возможности примирения сторон и отсутствии возражений сторон либо в силу прямого указания в законе о необходимости проведения примирительной процедуры по отдельным категориям дел.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебное примирение, отсутствие возражений сторон, обязательность проведения, инициатива суда.

Совершенствование российского законодательства в области цивилистического процесса продолжается в направлении оптимизации судебных процедур, а одним из эффективных средств ее достижения являются процессуальные механизмы урегулирования споров на основе примирения¹. Одной из ключевых задач последних реформирований гражданского судопроизводства являлась разгрузка судов за счет более активного использования участниками инструментов самостоятельного урегулирования правового конфликта как до, так и после возбуждения дела в суде², в том числе за счет проведения процедуры судебного примирения. На деятельность судебных примирителей возлагались определенные надежды, и в случае успешной практической реализации нормативно заданной модели судебного примирения можно было ожидать положительного эффекта для обеспечения интересов судебной системы (снижения судебной нагрузки), повышения качества правосудия за счет

оптимизации судебной нагрузки³, но статистические данные за первое полугодие 2020 г., приведенные в Отчете о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции⁴, не дают повода для оптимизма. За указанный период процедура судебного примирения использовалась по 163 гражданским делам, из них спор был урегулирован в 25 случаях. Эффективность примирительной процедуры составила 15,33%, что представляется достаточно высоким показателем для начального этапа становления процедуры судебного примирения и могло бы привести к значительному снижению нагрузки на суды, но стороны достаточно редко обращались к судебным примирителям.

В чем причины недостаточной востребованности процедуры судебного примирения? К одной из них можно отнести нормативно закрепленный порядок обращения к этой примирительной процедуре. Основанием для проведения судебного примирения является определение суда о проведении судебного при-

¹ Плешанов А.Г. Систематизация и унификация примирительных процедур в цивилистическом процессе и их основные параметры (по Федеральному закону от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 28.

² Дегтярев С.Л. Формирование и нормативное закрепление института судебного примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 19.

³ Спицин И.Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 8.

⁴ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 12.02.2021).

мирения, выносимое судом при наличии ходатайства сторон либо их согласия на проведение примирительной процедуры⁵. Основанием для отложения судебного разбирательства в целях проведения процедуры судебного примирения является один из следующих юридических фактов: а) стороны согласились с предложением суда о проведении примирительной процедуры; б) суд удовлетворил ходатайство, исходящее от обеих сторон, о проведении примирительной процедуры; в) суд удовлетворил ходатайство о проведении примирительной процедуры, сделанное одной из сторон и получившее одобрение второй стороны⁶. Таким образом, инициатива проведения примирительной процедуры возлагается на стороны, которые должны проявить свою активность и самостоятельно обратиться к суду с ходатайством о проведении процедуры судебного примирения либо выразить свое согласие на предложение суда о ее проведении (п. 1, 2 ст. 153.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ, ГПК). Для проведения процедуры недостаточно инициативы или согласия сторон, необходима еще санкция суда, поскольку судебное примирение проводится на основании определения суда (п. 2 ст. 153.2 ГПК). Такой подход обосновывается принципом добровольности (п. 2 ст. 153.1 ГПК), который в данном случае трактуется излишне расширительно. Добровольность, как принцип посредничества, традиционно включает соглашение сторон об обращении к посреднику, выбор ими посредника и возможность прекращения процедуры посредничества⁷. Следует отличать добровольность обращения к судебному примирителю и добровольность участия в процедуре судебного примирения. Первичное обращение к судебному примирителю не должно предполагать совершение сторонами активных действий в виде

направления в суд ходатайств либо выражения письменного согласия, поскольку в условиях активной фазы конфликта, перешедшего в сферу судебной тяжбы, стороны утрачивают доверие друг к другу, которое может быть восстановлено только в процессе их коммуникации в рамках проведения процедуры примирения, а проявление инициативы стороны к проведению примирительной процедуры может ошибочно трактоваться другой стороной как проявление слабости правовой позиции по делу, готовность идти на уступки, что психологически удерживает стороны от обращения к судебному примирителю. В приведенных условиях возложение на противоборствующие стороны обязанности по взаимному согласию определить кандидатуру судебного примирителя (п. 4 ст. 153.6 ГПК) дополнительно осложняет принятие ими решения о проведении судебного примирения. В такой ситуации решение задачи по содействию мирному урегулированию спора и примирению сторон сводится к действиям суда по преодолению пассивности конфликтующих сторон в отношении судьбы спора, что является основой для урегулирования конфликта⁸.

Представляется, что разрешение этой ситуации возможно двумя путями. По отдельным категориям дел проведение судебным примирителем процедуры судебного примирения с целью внесудебного урегулирования спора возможно сделать составным элементом подготовки дела к судебному разбирательству по аналогии с предварительным судебным заседанием. Предложение об обязательности проведения процедуры судебного примирения в рамках подготовки арбитражных дел к судебному разбирательству ранее высказывалось в доктрине⁹, но не воспринято законодателем при введении судебного примирения. В предлагаемом варианте реализация задачи суда по примирению сторон (ч. 5 ст. 148 ГПК) на стадии подготовки дела к судебному разбирательству будет представлять собой диагностику судом стадии конфликта между сторонами судебного спора, на предмет установления объективной

⁵ Тарасов И.Н. К вопросу о судебных примирителях // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 21.

⁶ Загайнова С.К. О некоторых коллизиях правового регулирования примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 13.

⁷ Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 464.

⁸ Лазарев С.В. Основы судебного примирения. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 189–190.

⁹ Там же. С. 84.

возможности урегулирования конфликта и необходимости вмешательства в конфликт с целью его урегулирования посредством примирения сторон¹⁰. При выявлении такой возможности суд должен делегировать судебному примирителю непосредственное проведение процедуры судебного примирения сторон в соответствии с Регламентом проведения судебного примирения. Сейчас содействие мирному урегулированию спора реализуется судьей через индивидуальное разъяснение сторонам возможности использования примирительных процедур, поскольку «оружие» для применения примирительных процедур участниками гражданского судопроизводства у суда только одно — это разъяснение, разъяснение и разъяснение¹¹, в том числе посредством включения соответствующих предложений в определения о принятии дела к производству и о подготовке дела к судебному разбирательству (ст. 148, 150, 153.1, 153.2, 232.3 ГПК РФ). К сожалению, работа судей по мирному урегулированию спора достаточно часто приобретает формальный характер, поскольку сами судьи могут опасаться того, что их активные действия по примирению сторон смогут в дальнейшем стать основаниями для отвода либо уличения сторонами в какой-либо заинтересованности в скорейшем исходе дела¹², либо рассматривают примирительные процедуры как возможность одной из сторон злоупотреблять правом и таким способом затягивать сроки судебного разбирательства по делу. Делегирование примирения сторон судебному примирителю снимает вышеуказанные риски и опасения судей, раскрывает для них возможность диагностики конфликта, а выполнение задачи по примирению сторон и содействию мирному урегулированию спора не будет ограничиваться только разъяснением преимуществ мирного урегулирования спора, а наполнится активной деятельностью посредника-примирителя и самих сторон по поиску способов мирного урегулирования спора. Деятельность судебного примирителя

осуществляется под контролем суда за проведением примирительной процедуры и ее результатами, поскольку судебное примирение с организационной точки зрения напрямую связано с судом, который, как субъект, реализующий функцию формального руководства процессом, наделяется полномочиями по содействию сторонам в примирении и должен интегрировать достигнутые результаты примирительной процедуры в процесс по делу путем вынесения соответствующего судебного акта, предварительно осуществив функцию контроля за действиями сторон¹³.

Второй путь — это проведение примирительной процедуры по инициативе суда, при отсутствии возражений сторон. В этом случае активное согласие на участие в процедуре заменяется пассивным отсутствием возражений, т.е. согласие стороны на участие в процедуре судебного примирения будет презюмироваться до тех пор, пока сама сторона не изъявит желания отказаться от участия в процедуре примирения. Это обеспечит соблюдение принципа добровольности участия в судебном примирении, поскольку за сторонами сохраняется право заявить возражения относительно проведения процедуры судебного примирения, но при этом снимется психологический барьер для активного участия в примирении, что позволит начать проведение процедуры судебного примирения по значительно большему количеству гражданских дел. Такой подход позволит судьям, исходя из опыта рассмотрения отдельных категорий дел, самостоятельно оценивать потенциальные возможности внесудебного урегулирования спора и инициировать процедуру судебного примирения там, где это необходимо и целесообразно, создавая тем самым максимально комфортные для сторон условия как для участия в процедуре, так и для достижения положительного результата ее проведения. Именно судья видит и «чувствует» спор, понимает перспективы его разрешения, встречается со сторонами на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, имея возможность убедить их в пользе примирения¹⁴.

¹⁰ Там же. С. 32, 189.

¹¹ Дегтярев С.Л. Формирование и нормативное закрепление института судебного примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 21.

¹² Там же.

¹³ Плешанов А.Г. Указ. соч. С. 32.

¹⁴ Решетникова И.В. Предисловие к монографии Лазарева С.В. «Основы судебного примирения». М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 6.

Возможность суда самостоятельно, при отсутствии возражений сторон, инициировать проведение примирительной процедуры должно дополнять право сторон обратиться к суду с предложением о проведении такой процедуры, а не заменять его.

Согласно французскому гражданскому процессуальному законодательству, где институт судебного примирения давно и успешно используется, стороны могут примириться как по собственной инициативе, так и по предложению суда. Попытка примирения, если иное не предусмотрено законом, производится в тот момент и в том порядке, который суд сочтет наиболее благоприятным и эффективным. Суд, которому предстоит совершить попытку примирения, вправе обязать стороны встретиться с судебным примирителем, который проинформирует их о процедуре примирения¹⁵. Обязанность сторон по требованию суда, как минимум, встретиться с судебным примирителем и совместно оценить перспективы мирного урегулирования спора уже сама по себе существенно повышает вероятность проведения судебного примирения и достижения результатов его проведения. Представляется, что деятельность судебных примирителей следует рассматривать как делегирование полномочий суда по примирению сторон назначенному судебному примирителю, действующему в координации и под контролем судьи, в производстве которого находится гражданское дело. Именно на таком подходе основано регулирование судебного примирения во французском гражданском процессуальном законодательстве¹⁶.

Предоставление суду права применять процедуру судебного примирения по своему усмотрению, либо в силу обязательного предписания закона, либо при отсутствии возражений сторон не приведет к нарушению принципа добровольности примирительных процедур. Такие подходы к возбуждению примирительного производства достаточно распространены в мировой практике и существенно стимулируют развитие и совер-

шение примирительных процедур. Е.С. Семернева обращает внимание на то, что в Финляндии прохождение примирительных процедур является обязательной стадией процесса по всем гражданским делам. Другие страны устанавливают необходимость обращения к посреднику по отдельным категориям дел. В Баварии такая необходимость установлена по спорам с ценой иска до 800 евро, в Англии — по коммерческим спорам, во Франции — по делам о разводе или разлучении супругов, в Австралии — по всем искам коренного населения¹⁷.

Г.В. Севастьянов, рассматривая инициирование примирительного производства после возбуждения дела в суде, указывает в качестве одного из возможных вариантов судебного примирения, когда суд самостоятельно инициирует примирительную процедуру, т.е. предопределяет наличие обязательной попытки обращения к примирительной процедуре по спорам из определенных видов общественных отношений¹⁸. Е.И. Носырева и Д.Г. Фильченко отмечают, что обязательность в данном случае не означает принудительного примирения. Обязательность состоит лишь в попытке примирения, в необходимости явки для участия в примирительной процедуре. Такой подход известен в некоторых государствах и, как показывает практика, является наиболее успешным с точки зрения вероятности достижения сторонами соглашения¹⁹.

Добровольность участия предполагает право стороны, которая уже приняла участие в примирительной процедуре, оценила возможности и перспективы ее использования, в любой момент осознанно принять решение об отказе от дальнейшего участия в примирении. Это право, безусловно, должно быть предоставлено, поскольку принуждение лица, не желающего примириться и искать приемлемые варианты урегулирования спора, к дальнейшему участию в примирительной процедуре бесперспективно.

Судебное примирение имеет значительный потенциал для своего развития. Для его раскрытия необходимо более

¹⁵ Соловьев А.А. Об институте судебного примирителя во французском гражданском процессе // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Цит. по: Лазарев С.В. Основы судебного примирения. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 102.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ Там же. С. 89–90.

четко интегрировать судебное примирение в существующую процедуру судебного разбирательства и в первую очередь в стадию подготовки дела к судебному разбирательству. Судья, в рамках реализации поставленной перед ним задачи по способствованию мирному урегулированию спора и примирению сторон, должен не только разъяснять преимущества внесудебного урегулирования конфликта, но и проводить диагностику конфликта на предмет возможности его урегулирования с использованием примирительных процедур и самостоятельно, при отсутствии возражений сторон, инициировать судебное примирение посредством делегирования проведения процедуры назначенному им судебному примирителю. Такое участие суда в примирении сторон может обеспечиваться законодательным закреплением категорий дел, по которым попытка примирения признается объективно необходимой (например, семейные, жилищные споры). Также повышение инициативности суда в проведении примирительных процедур может быть обеспечено указанием в определении о подготовке дела к судебному разбирательству на право сторон в установленный судом срок письменно изложить свое мотивированное возражение относительно проведения процедуры примирения. Этот вариант получения согласия сторон на проведение судебного

примирения позволит суду по собственной инициативе назначить проведение процедуры судебного примирения и назначать судебного примирителя в случаях, когда, по его мнению, спор имеет реальную перспективу быть урегулированным мирным путем. В этом случае за сторонами сохранится право отвода или замены судебного примирителя по соглашению сторон, а также право на прекращение примирительной процедуры.

Делегирование выполнения задачи по примирению сторон и урегулированию спора с использованием процедуры судебного примирения, как одного из альтернативных вариантов разрешения спора, судебному примирителю может быть реализовано и будет обеспечивать интересы судебной системы посредством снижения судебной нагрузки, если суды будут «подталкивать» стороны к судебному примирению на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Закрепление обязательности обращения к примирительной процедуре либо презумпции согласия на ее проведение будет способствовать имплементации этой процедуры в судебное производство, существенно повысит количество проводимых примирительных процедур, приведет к росту случаев мирного урегулирования споров и, как следствие, к снижению нагрузки на судебную систему.

Литература

1. Дегтярев С.Л. Формирование и нормативное закрепление института судебного примирения в гражданском процессе / С.Л. Дегтярев // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 19–22.
2. Загайнова С.К. О некоторых коллизиях правового регулирования примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве / С.К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 10–14.
3. Лазарев С.В. Основы судебного примирения / С.В. Лазарев; предисловие И.В. Решетниковой. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 256 с.
4. Плешанов А.Г. Систематизация и унификация примирительных процедур в цивилистическом процессе и их основные параметры (по Федеральному закону от 26.07.2019 № 197-ФЗ) / А.Г. Плешанов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 28–32.
5. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве : избранное / И.В. Решетникова. Москва : Статут, 2019. 510 с.
6. Соловьев А.А. Об институте судебного примирителя во французском гражданском процессе / А.А. Соловьев // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 107–113.
7. Спицин И.Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели / И.Н. Спицин // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 7–8.
8. Тарасов И.Н. К вопросу о судебных примирителях / И.Н. Тарасов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 19–22.

Дербишева

Ольга Александровна,
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Донецкой академии внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-49-52

Отличия гражданского процессуального правопреемства и гражданского правопреемства

В статье исследуется сущность гражданского процессуального правопреемства. Сформулированы отличия гражданского процессуального правопреемства и гражданского правопреемства.

Ключевые слова: гражданский процесс, стороны, правопреемник, правопреемственность, иск.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими заданиями. Правопреемство — это переход субъективного права (в широком смысле — также правовой обязанности) от одного лица к другому (правопреемнику) в порядке производного правоприсвоения (в соответствующих случаях — производного приобретения правового долга)¹. Согласно ч. 1 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее — ГПК Украины), применяемого в соответствии с ч. 2 ст. 82 Конституции Донецкой Народной Республики, в случае смерти физического лица, прекращения юридического лица, замены кредитора или должника в обязательстве, а также в других случаях замены лица в отношениях, по которым возник спор, суд привлекает к участию в деле правопреемника соответствующей стороны или третье лицо на любой стадии гражданского процесса, т.е. имеет место гражданское процессуальное правопреемство².

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. Вопросами гражданского процессуального правопреемства интересовались С.В. Васильева, П.Ф. Елисейкин, В.В. Комаров, С.Я. Фурса, Е.И. Фурса, Ю.С. Красный, Д.М. Чечот, М.С. Шакарян.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная

статья. Работы вышеуказанных ученых процессуалистов посвящены в основном определению понятия процессуального правопреемства, а также исследованию оснований материального правопреемства, которые вызывают правопреемство процессуальное. В настоящей научной статье рассматриваются вопросы отличия гражданского процессуального правопреемства от гражданского правопреемства.

Формулировка целей статьи. Целью статьи является исследование сущности гражданского процессуального правопреемства в контексте отличия гражданского процессуального правопреемства и гражданского правопреемства.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Как отмечает С.Я. Фурса, процессуальное правопреемство — это замена сторон или третьих лиц (правопреемственности) другим лицом (правопреемником) в случае выбытия из процесса субъекта в спорном правоотношении. Во время процессуальной преемственности имеет место переход процессуальных прав и обязанностей от одного лица, которое было стороной или третьим лицом по делу, к другому, не принимающему участия в деле. Основой процессуальной преемственности является преемственность в материальных правах и обязанностях³.

В теории гражданского права выделяют два вида преемственности: универсальное (общее) и сингулярное (частное). Особенностью общего правопреемства

¹ Черепакин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 311.

² Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 г. № 1618-IV // Официальный веб-сайт Верховного Совета Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1618-15/ed20150426>

³ Фурса С.Я. Цивільний процес України: Академічний курс : підручник. К. : Видавець Фурса С.Я.: КНТ, 2009. С. 173.

является то, что правопреемник по основаниям, предусмотренным законодательством, занимает место правопреемника во всех правах и обязанностях, за исключением тех, в которых закон не допускает правопреемство вообще. По наследству переходят наследнику имущественные права и обязанности. Под частным правопреемством понимается правопреемство, возникающее в одном или нескольких правоотношениях. Так, право требования, принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании закона⁴.

По мнению С.Я. Фурсы, процессуальное правопреемство всегда является универсальным по отношению к материальному правопреемству.

Следует отметить, что при правопреемстве возможно изменение количественного состава субъектов материального правоотношения. Поэтому одно лицо, которое выбыло из процесса, может заменить несколько его правопреемников, а следовательно, возникнет процессуальное соучастие (ст. 32 ГПК Украины); или, наоборот, несколько лиц — правопреемников могут быть заменены одним их правопреемником.

Вступление правопреемника в гражданское дело возможно на любой стадии гражданского судопроизводства, т.е. на той стадии, на которой правопреемник выбывает из дела. Однако вступление в гражданский процесс правопреемника напрямую влияет на объем его прав и обязанностей.

Так, если правопреемник умер в промежуток времени от принятия решения до вступления в законную силу, именно суд первой инстанции должен допустить к участию в деле правопреемника, и тогда к нему перейдет право апелляционного обжалования судебного решения⁵.

Хотя в ч. 1 ст. 37 ГПК Украины и указано, что «суд привлекает к участию в деле правопреемника», нужно заметить: принуждение к вступлению в дело правопреемника истца или третьего лица противоречит принципу диспозитивности. Как

справедливо заметил Д.М. Чечот, вступать или не вступать в дело — зависит исключительно от воли правопреемника⁶.

В связи с этим считаем необходимым отметить, что замена истца или третьего лица правопреемником должна происходить только при наличии согласия последнего на такую замену и на вступление в гражданский процесс. Замена же ответчика, выбывшего из процесса, правопреемником происходит независимо от согласия последнего.

По этому поводу в юридической литературе было высказано следующее мнение: «Если преемственность в материальных правах имела место на стадии апелляционного и кассационного производств или при исполнении судебного решения, то процессуальная преемственность ответчика не может осуществляться без его согласия, поскольку решение фактически выносится без участия в судебном процессе правопреемника»⁷.

Анализ норм гражданского процессуального законодательства позволяет нам не согласиться с соответствующим заключением. Стадия гражданского процесса, на которой происходит вступление в дело правопреемника ответчика, не влияет на необходимость получения его согласия. Будучи правопреемником в материальных правоотношениях, в гражданском процессе правопреемник ответчика «наследует» все действия, совершенные до его вступления в дело правопреемником, которые являются для него обязательными так же, как они были обязательными для лица, которое он заменил (ч. 2 ст. 37 ГПК Украины). Итак, тот аргумент, что «решение фактически выносится без участия в судебном процессе правопреемника», никоим образом не обосновывает необходимость получения согласия правопреемника ответчика во время его привлечения к участию в деле.

В этом контексте существуют и содержательно другие мнения. Так, комментируя данную точку зрения, А.А. Мельников отмечает: привлекать в дело правопреемника ответчика можно только с согласия на то истца. Только истец должен решить,

⁴ Дорошенко Л.Н. Гражданское право Украины. Курс лекций : учеб. для вузов. Донецк : Вебер, 2007. С. 68–69.

⁵ Фурса С.Я. Указ. соч. С. 480.

⁶ Мусина В.А., Чечина Н.А., Чечот Д.М. Гражданский процесс : учебник. М. : Проспект, 1998. С. 225.

⁷ Осипов Ю.К. Гражданский процесс : учеб. для вузов. М. : БЕК, 1995. С. 177.

судиться ему с правопреемником ответчика или нет⁸.

Соответствующая позиция представляется нам нерациональной, нарушающей принцип экономии времени и усилий суда, ведь в целом для истца нет разницы, с кого получить удовлетворение своих требований — с первоначального ответчика или его правопреемника, за исключением тех обязательств, которые неразрывно связаны с лицом. Однако указанный вид обязательств не предусматривает правопреемства и в материальном праве, а следовательно, в этом случае процессуальное правопреемство также не возникает. На наш взгляд, если же истца настолько не удовлетворяет лицо правопреемника ответчика, истец не хочет получить удовлетворение своих требований за его счет, он имеет право отказаться от иска.

В ч. 1 ст. 37 ГПК Украины речь непосредственно идет только о возможности замены стороны или третьего лица по делам искового производства. Однако считаем, положения соответствующей нормы можно распространять на заявителей и заинтересованных лиц по делам особого производства, на заявителя (взыскателя) и должника по делам приказного производства, конечно, при условии, что соответствующие правоотношения допускают правопреемство. Кроме того, должна исключаться возможность применения института процессуального правопреемства в отношении органов и лиц, которым законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы других лиц (ч. 1 ст. 45 ГПК Украины).

Некоторые авторы расширяют круг субъектов, которые могут быть инициаторами вступления в дело правопреемника. Так, И.А. Приходько пишет: «Замена, однако, не исключена и по заявлению лица, не участвующего в деле, — правопреемника стороны, заинтересованного во вступлении вместо нее в процесс, продолжается, — хотя процессуально такая возможность никак не урегулирована»⁹.

⁸ Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1969. С. 226.

⁹ Приходько И.А. Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе: Основные проблемы // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М.: Лиджист, 2001. С. 36.

В известной мере с такой позицией можно согласиться, хотя правопреемник стороны не является участником гражданского процесса и не принадлежит к кругу лиц, участвующих в деле, а значит, не наделен никакими процессуальными правами и обязанностями. У него отсутствует какая-либо процессуальная возможность влияния на ход рассмотрения и разрешения гражданского дела, но ему нужно каким-то образом вступить в дело, если его не будут привлекать к участию в гражданском деле по инициативе других лиц. Однако И.А. Приходько как инициатора соответствующей замены называет только правопреемника стороны, не упоминая, в частности, правопреемников третьих лиц, которые также являются потенциальными правопреемниками в гражданском процессе.

Выше уже отмечалось, что правопреемник всегда продолжает участие в деле правопреемника и к нему переходят все процессуальные права и обязанности, принадлежавшие лицу, которое выбыло из гражданского процесса. А.Ф. Козлов отмечает, что «правопреемники приобретают все реальные и не выполненные их правопреемниками на момент вступления в дело права и обязанности»¹⁰.

Поскольку правопреемник продолжает участие в процессе правопреемника, то все действия, в том числе распорядительные, совершенные в процессе правопреемником до вступления в дело правопреемника, обязательны для последнего, правда, лишь в той мере, в какой они были обязательны для правопреемника (ч. 2 ст. 37 ГПК Украины). Поэтому правопреемник не может мотивировать свои требования тем, что он не участвовал в деле или что он не согласен с действиями правопреемника.

Таким образом, в отличие от правопреемства в материальном праве, гражданское процессуальное правопреемство всегда является общим, универсальным и исключает возможность одновременного участия в деле (по конкретному искомому требованию) и правопреемника, и правопреемника. Однако по этому поводу

¹⁰ Козлов А.Ф. Субъекты советского гражданского процессуального права по Основам гражданского судопроизводства и новым ГПК союзных республик // Краткая антология Уральской процессуальной мысли. Екатеринбург, 2004. С. 69.

в юридической литературе можно встретить и редкие противоположные мнения. Так, Д.Б. Абушенко пишет: «При уступке части требования к приобретателю части требований в порядке процессуального правопреемства переходят от начального истца те процессуальные права и обязанности, касающиеся уступленного требования. Такой подход к трансформации первоначального иска и сингулярного процессуального правопреемства при уступке требования полностью применим и к случаям перевода долга»¹¹.

С такой позицией мы не согласны. Действительно, при уступке права требования к приобретателю части требований переходят только те процессуальные права и обязанности, относящиеся к той части требований, которые передаются. При этом Д.Б. Абушенко забывает

о том, что к правопреемнику переходят все процессуальные права и обязанности истца или третьего лица по этой части требований. В этом контексте правильно указывает С.А. Иванова: «К лицу, которое заменило выбывшего истца или ответчика, например, в связи с переводом долга или требования, переходят все процессуальные права и обязанности»¹².

С учетом изложенных позиций советских, российских и украинских цивилистов, а также по результатам анализа положений Гражданского процессуального кодекса Украины можно сделать вывод о том, что гражданское процессуальное правопреемство в отличие от гражданского правопреемства может быть только общим (универсальным), так как правопреемник полностью заменяет собой правопреемника во всем объеме его процессуальных прав и обязанностей.

¹¹ Абушенко Д.Б., Воложанин В.П., Дегтярев С.Л. и др. Гражданский процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 102.

¹² Треушников М.К., Иванова С.А. Гражданский процесс : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Городец, 2006. С. 130.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Гражданский процесс : учебник / Д.Б. Абушенко, В.П. Воложанин, С.Л. Дегтярев [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
2. Дорошенко Л.Н. Гражданское право Украины: курс лекций : учебник для вузов / Л.Н. Дорошенко. Донецк : Вебер, 2007. 496 с.
3. Козлов А.Ф. Субъекты советского гражданского процессуального права по Основам гражданского судопроизводства и новым ГПК союзных республик // Краткая антология Уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под редакцией В.В. Яркова. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2004. С. 274–287.
4. Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / А.А. Мельников. Москва : Наука, 1969. 248 с.
5. Мусина В.А. Гражданский процесс : учебник / В.А. Мусина, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот. Москва : Проспект, 1998. 480 с.
6. Осипов Ю.К. Гражданский процесс : учебник для вузов / Ю.К. Осипов. Москва : БЕК, 1995. 462 с.
7. Приходько И.А. Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе: Основные проблемы / И.А. Приходько // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор И.А. Приходько. Москва : Лиджист, 2001. С. 12–41.
8. Треушников М.К. Гражданский процесс : учебник / М.К. Треушников, С.А. Иванова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Городец, 2006. 784 с.
9. Фурса С.Я. Цивільний процес України: Академічний курс : підручник / С.Я. Фурса. Київ : Видавель Фурса С.Я. : КНТ, 2009. 848 с.
10. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепяхин. Москва : Статут, 2001. 479 с.

Оленин Дмитрий Алексеевич,

аспирант юридического факультета
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ),
заместитель начальника отдела
Минюста России
olenin.dmitry@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-53-57

Английская модель исполнительного производства

Статья посвящена исполнительному производству Англии. Автором рассматриваются особенности организации системы принудительного исполнения судебных актов по гражданским делам в Англии, а также предусмотренные английским процессуальным законодательством меры принудительного исполнения и порядок их применения. На основе анализа зарубежного законодательства автор приходит к выводу о существовании в Англии смешанной децентрализованной судебной системы исполнения. Также автор констатирует, что в исполнительном производстве Англии взыскатель играет активную роль. Таким образом, роль пристава-исполнителя в Англии сводится к реализации воли взыскателя по приказу суда.

Ключевые слова: право Англии, зарубежное законодательство, исполнительное производство, гражданский процесс, система органов исполнения.

В последнее время в прессе все чаще появляется информация о преследовании активов российских граждан в Великобритании¹. В 2017 г. начал действовать специальный закон — Criminal Finances Act, предусматривающий возможность вынесения судебного приказа о конфискации активов, если у их владельца отсутствует разумное подтверждение дохода (источника) их приобретения (unexplained wealth order, UWO). Высшие должностные лица Великобритании, в свою очередь, прямо указывали на возможность использования механизма UWO для преследования состоятельных россиян, связанных с действующими российскими властями².

Российские бизнесмены нередко сами выбирают британскую юрисдикцию для разрешения споров. Так, по информации британских консалтинговых агентств, российские граждане и компании последние три года традиционно входят в тройку самых активных (по сумме дел и их участников) «спор-

щиков» в Коммерческом суде Англии и Уэльса (подразделение Высокого суда)³. Одним из последних наиболее громких судебных актов, вынесенных Высоким судом в отношении россиян, является блокировка активов семьи Бориса Минца на сумму 572 млн долларов по иску банка «Открытие» и банка «Траст»⁴.

Активное вовлечение российских физических и юридических лиц в английское судопроизводство предопределяет актуальность для российского юридического сообщества знания основ исполнительного производства Великобритании, являющегося заключительной частью судебного разбирательства.

Организационная сторона системы принудительного исполнения Великобритании

Основными источниками законодательства о принудительном исполнении в Великобритании являются Courts Act

¹ В Великобритании составили список близких к Кремлю «олигархов» // Официальный сайт журнала Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery> (дата обращения: 05.02.2021).

² Английская охота: Борис Джонсон пригрозил россиянам арестом активов // Официальный сайт журнала Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery> (дата обращения: 05.02.2021).

³ Судиться по-английски: почему россияне в топ-3 клиентов британских судов // Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics> (дата обращения: 05.02.2021).

⁴ Британский суд отказался разблокировать активы Минцев на \$572 млн // Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances> (дата обращения: 05.02.2021).

2003 (далее — СА 2003)⁵ и Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007 (далее — ТСЕА 2007)⁶. Территория Великобритании в соответствии с законодательством поделена на округа, к каждому из которых должен быть приписан минимум один судебный пристав-исполнитель, действующий в пределах своего округа (paragraph 2(2) schedule 7 СА 2003).

В Великобритании действует сразу несколько видов судебных приставов-исполнителей. **Первым видом** являются судебные приставы-исполнители High Court Enforcement Officer (далее — НСЕО). НСЕО являются приставами-исполнителями при Высоком суде, осуществляющими исполнение судебных решений с размером исковых требований более 5 тысяч фунтов. Приставы-исполнители НСЕО действуют вне зависимости от привязки к округам в соответствии с СА 2003 и специальным нормативным правовым актом — The High Court Enforcement Officers Regulations 2004⁷. Приставы НСЕО также могут осуществлять свою деятельность через частные компании.

Вторым видом судебных приставов-исполнителей традиционно являлись бэйлифы (bailiff) судов графств (поправками 2013 г. в ТСЕА термин «bailiff» был заменен на «enforcement agent»). Бэйлифы являются государственными служащими, состоящими на службе в судах графств. По общему правилу они исполняют судебные решения на сумму до 5 тысяч фунтов.

Третьим видом приставов-исполнителей, существующих в Великобритании, являются частные приставы (enforcement agent). Для осуществления своей деятельности частным приставам необходимо получить лицензию от судьи суда графства (paragraph 63(2) (a), 64(1)(a) part 3 chapter 1 ТСЕА 2007). Частные приставы могут исполнять

судебные решения по требованиям в сфере арендной платы, осуществлять взыскание алиментов, местных налогов, штрафов за парковку.

В доктрине исполнительного производства распространены различные классификации существующих в мире систем принудительного исполнения. По степени независимости приставов-исполнителей от государства и источнику финансирования их деятельности выделяют государственные, смешанные и небюджетные системы исполнения⁸. По количеству органов, осуществляющих функции принудительного исполнения, системы принудительного исполнения разделяют на централизованные и децентрализованные⁹. В зависимости от критерия отнесения органов исполнения к государственной власти выделяют судебные системы исполнения, системы исполнения, в которых органы исполнения являются частью исполнительной власти, а также частные системы исполнения¹⁰.

На основе приведенной информации можно сделать следующие выводы о системе принудительного исполнения в Великобритании. Во-первых, в Великобритании действует *смешанная* модель организации исполнительного производства, предполагающая осуществление принудительного исполнения не только государственными должностными лицами, финансируемыми за счет бюджета, но и участие в принудительном исполнении частных исполнительных агентов, деятельность которых основана на самофинансировании. Во-вторых, систему принудительного исполнения Великобритании можно считать *децентрализованной*, так как в рамках одной судебной власти действует сразу несколько видов приставов.

⁵ Courts Act 2003. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

⁶ Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

⁷ The High Court Enforcement Officers Regulations. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

⁸ Ярков В.В. Исполнительное производство в государствах — членах Международного союза судебных исполнителей (отдельные тенденции) // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 7. С. 25–29.

⁹ Гальперин М.Л. Исполнительное производство: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2 изд., испр. М.: Издательство «Юрайт», 2017. С. 86.

¹⁰ Там же. С. 86.

В-третьих, в Великобритании действует *судебная система исполнения*, поскольку приставы НСЕО подведомственны Высокому суду. Государственные приставы состоят на службе в судах графств, лицензии на осуществление деятельности частных приставов выдаются также судьями судов графств.

Процессуальная сторона системы принудительного исполнения Великобритании

В Великобритании исполнительное производство, так же как и в России, возбуждается по заявлению взыскателя, что можно считать *проявлением принципа диспозитивности*, действующего в гражданском процессе. При этом в отличие от России **исполнительное производство в Великобритании возбуждается судом.**

Процедура принудительного исполнения в Великобритании начинается со стадии, в ходе которой определяется, каким имуществом обладает должник. Для этого взыскатель должен обратиться в суд заявлением о вынесении судебного приказа, обязывающего должника предоставить суду информацию о своих доходах, расходах и счетах (*order the debtor to attend court*). Для вынесения такого приказа взыскателю необходимо заполнить специальную форму¹¹, в которой он должен указать сведения, идентифицирующие должника и судебное решение.

Полагаем, что использование данного механизма является эффективным. **Указанный механизм и соответствующая ему стадия исполнительного производства позволяют взыскателю определиться с перспективами дальнейшего принудительного взыскания.** Кроме того, за непредставление или представление ложных сведений по судебному приказу должник может быть подвергнут даже тюремному заключению¹².

Процессуальным законодательством Великобритании **предусмотрено четыре меры принудительного исполнения.** Рассмотрим каждую меру подробнее.

1. Обращение взыскания на имущество (warrant of control). Данная мера заключается в обращении взыскания на имущество должника, в том числе денежные средства, с последующей его продажей на аукционе (paragraph 69 part 3 chapter 1, schedule 12 TCEA 2007).

Для осуществления данной меры взыскателю необходимо обратиться в суд заявлением о направлении приставов-исполнителей для обращения взыскания на имущество должника. Приставы известят должника и предоставят ему срок 7 дней на добровольную оплату долга. Если в указанный срок должник не погасит задолженность, то приставы конфискуют его имущество, которое можно продать в счет погашения долга.

При этом предусмотрен перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. К такому имуществу относятся вещи, которые должник использует в своей работе, и предметы обихода (paragraph 9(3)(a), 9(3)(b) Schedule 7 CA 2003).

В рамках рассматриваемой процедуры приставы могут обратить взыскание только на имущество, находящееся непосредственно в собственности должника или в совместной собственности. Обращение взыскания на имущество, которое находится в исключительной собственности супруга должника, не допускается.

2. Обращение взыскания на заработную плату и иные платежи (attachment of earnings order). Порядок реализации данной меры урегулирован в TCEA 2007 (paragraph 91, 92 part 4) и специальном законе Attachment of Earnings Act 1971¹³.

За применением данной меры должник также обращается в суд с заявлением, в котором указывает место работы

¹¹ Application for order that debtor attend court for questioning // HM Courts & Tribunals Service. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

¹² How do I apply for an order to obtain information from a person who owes me money? // Money

claims UK. URL: <https://www.moneyclaimsuk.co.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

¹³ Attachment of Earnings Act 1971. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

должника. Суд извещает должника и предоставляет ему возможность единовременно оплатить полную сумму долга либо представить суду полную информацию о своей заработной плате и расходах для последующего определения судом размера ежемесячно взыскиваемой с должника суммы. Если должником указанное извещение будет проигнорировано, то он арестовывается судебным приставом-исполнителем и может быть принудительно доставлен в суд для представления информации.

3. Обращение взыскания на дебиторскую задолженность (third-party debt order). Порядок применения данной меры урегулирован в Civil Procedure Rules 1998 (далее — CPR 1998) (part 72 CPR 1998)¹⁴. Указанная мера по сути своей является *обычной обеспечительной мерой*, тем не менее она подлежит применению также приставами-исполнителями в рамках исполнительного производства.

Ключевым условием применения данной меры является предназначение денежных средств исключительно должнику. Нельзя обратить взыскание на счет в банке, владельцами которого являются также иные лица помимо должника. Исключением является случай, когда все они также являются должниками перед взыскателем по исполнителю производству. Приказ о применении данной меры может быть вынесен только судьей¹⁵. Соответствующий приказ направляется третьему лицу, которое должно заморозить денежные средства, причитающиеся должнику, и только через 7 дней после этого копия приказа направляется самому должнику (rule 72.5(1)(i) CPR 1998)¹⁶.

4. Наложение ареста (charging order). Порядок применения данной меры урегулирован в TCEA 2007 (paragraph 93

part 4), а также в Charging Orders Act 1979. Арест в рамках исполнительного производства может быть наложен на дом, землю, акции (paragraph 2(2) Charging Orders Act 1979). **Данная мера не предусматривает фактическую выплату взыскателю денежных средств, тем не менее позволяет сохранить имущество для удовлетворения требований взыскателя в будущем.**

За совершение действий по принудительному исполнению в Великобритании предусмотрено взыскание исполнительного сбора (court fee). Однако его природа существенно отличается от природы исполнительского сбора по российскому законодательству. Так, указанный сбор взыскивается до осуществления действий по принудительному исполнению с самого взыскателя, а не с должника. Кроме того, оплата указанного сбора не является единовременной. Взыскатель обязан заплатить за каждое действие по принудительному исполнению. Например, за вынесение приказа о предоставлении должником информации необходимо заплатить 55 фунтов, за вынесение приказа об обращении взыскания на денежную сумму и приказа об обращении взыскания на заработную плату — 110 фунтов, за наложение ареста или наложение взыскания на дебиторскую задолженность — 110 фунтов¹⁷.

Таким образом, если российское законодательство, как отмечают исследователи, является неопределенным по вопросу правовой природы исполнительского сбора, наделяя указанный сбор как признаками платы за «услугу»¹⁸, так и признаками имущественной санкции¹⁹, право Великобритании не оставляет оснований для аналогичных споров. **Исполнительский сбор в Великобритании представляет собой в чистом виде плату за услуги государ-**

¹⁴ Civil Procedure Rules 1998. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁵ Third party debt orders and charging orders // HM Courts & Tribunals Service. URL: <http://formfinder.hmctsformfinder.justice.gov.uk> (дата обращения: 04.02.2021).

¹⁶ Civil Procedure Rules // The official site of the Ministry of Justice. URL: <https://www.justice.gov.uk> (дата обращения: 04.02.2021).

¹⁷ Civil and Family Court Fees // HM Courts & Tribunals Service. URL: <http://formfinder.hmctsformfinder> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁸ Кузнецов В.Ф. Система исполнительного производства (вопросы теории и практики) : дис. ... докт. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 146.

¹⁹ Гуреев В.А., Гушин В.В. Исполнительное производство : учебник для магистров. М., 2016. С. 291–294.

ства по принудительному исполнению, которые оно оказывает взыскателю. При этом взыскатель самостоятельно и в зависимости от своего финансового положения выбирает те меры принудительного исполнения, которые будут использованы в его деле по отношению к должнику.

Суммарные затраты взыскателя на меры принудительного исполнения включаются в задолженность должника и могут быть возмещены взыскателю в случае успешного исполнения судебного акта. Вместе с тем суд не может гарантировать взыскателю исполнение судебного акта в полном объеме, поэтому перед взыскателем в исполнительном производстве Великобритании возникает серьезный вопрос о том, стоит ли обращаться к механизму принудительного исполнения или нет.

Заключение

На основе анализа процедуры принудительного исполнения и порядка применения описанных выше мер принудительного исполнения можно сделать следующие выводы. Если положения российского законодательства об исполнительном производстве по-

зволяют говорить о действии принципа процессуального руководства исполнительным производством судебным приставом-исполнителем²⁰, то в Великобритании данный принцип не действует. Во-первых, исполнительное производство возбуждается судом. Во-вторых, суду в исполнительном производстве придается значительная роль. Именно суд санкционирует применение всех мер принудительного исполнения. Таким образом, следует признать существование в Великобритании принципа процессуального руководства исполнительным производством судом. При этом нельзя не отметить, что существенная роль в исполнительном производстве в соответствии с английским правом отведена самому взыскателю. Как было отмечено ранее, именно взыскатель, а не пристав-исполнитель, выбирает необходимые меры принудительного исполнения. **Пристав-исполнитель в Великобритании лишь реализует волю взыскателя по приказу суда.**

²⁰ Гальперин М.Л. Ответственность в исполнительном производстве : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 205.

Литература

1. Гальперин М.Л. Исполнительное производство : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / М.Л. Гальперин. 2 изд., испр. Москва : Юрайт, 2017. 432 с.
2. Гальперин М.Л. Ответственность в исполнительном производстве : диссертация доктора юридических наук / М.Л. Гальперин. Москва, 2019. 464 с.
3. Гуреев В.А. Исполнительное производство : учебник для магистров / В.А. Гуреев, В.В. Гушин. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2016. 559 с.
4. Казарновский П. Британский суд отказался разблокировать активы Минцев на \$572 млн / П. Казарновский // РБК. 2020. 6 февраля.
5. Кузнецов В.Ф. Система исполнительного производства (вопросы теории и практики) : диссертация доктора юридических наук / В.Ф. Кузнецов. Челябинск, 2004. 333 с.
6. Ляликова А. Английская охота: Борис Джонсон пригрозил россиянам арестом активов / А. Ляликова // Официальный сайт журнала Forbes. 2018. 15 марта.
7. Макаров О. Судиться по-английски: почему россияне в топ-3 клиентов британских судов / О. Макаров // РБК. 2018. 29 мая.
8. Ярков В.В. Исполнительное производство в государствах — членах Международного союза судебных исполнителей (отдельные тенденции) / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 7. С. 25–30.

Селькова**Анастасия Андреевна,**

заместитель директора Института
государственного и международного права,
старший преподаватель кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного юридического
университета,
кандидат юридических наук
mila-berg@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-58-60

«Асинхронные» судебные процессы как будущая модель международного арбитража

Автор рассматривает, каким образом пандемия COVID-19 повлияла на международный арбитраж в плане использования новых форм организации судебного процесса. В статье резюмируется, что стороны, адвокаты и арбитры должны адаптироваться к новой реальности проведения заседаний, вызванной установлением ограничений на поездки и введением мер социального дистанцирования. Обращается внимание на один особенно острый вопрос: следует ли вообще прекратить проведение слушаний непосредственно в зале суда и перейти к режиму заседаний, организуемых удаленно с использованием современных технологий видео-конференц-связи?

Кроме того, в настоящей статье делается попытка разработать аналитическую основу для удаленных слушаний в международном арбитраже. В контексте текущей пандемии и ее возможного продолжения автор предлагает определенные критерии определения необходимости проведения слушаний в удаленном формате.

Ключевые слова: международный, арбитраж, онлайн судебные заседания, надлежащая правовая процедура, представление доказательств.

Если учесть тот факт, что 2020 г. стал поистине знаменательным в плане тех испытаний и трудностей, с которыми пришлось столкнуться судебной системе, то «асинхронное» участие в рассмотрении дел не будет выглядеть столь радикальным новшеством, в том числе для сферы международного арбитража. «Асинхронность» подразумевает определенное состояние явлений, при котором они не существуют или не возникают в одно и то же время либо не совпадают во времени. В этой статье попытаемся ответить на вопрос: превратится ли асинхронное участие в слушаниях следующей привычной формой участия в судопроизводстве?

На сегодняшний день как юристы, так и судьи привыкли к существующей практике удаленных слушаний. Несмотря на то, что она уже некоторое время была известна судебной системе, именно в условиях борьбы с COVID-19 тенденция использования видео-конференц-связи и других технологий стала явственней. Так называемые «виртуальные слушания» широко обсуждаются и в доктрине¹, в основном зарубежными авторами². Большинство

научных дискуссий посвящены тому, как технологии могут изменить сферу международного арбитража в ближайшие годы. В частности, очень любопытен вопрос: можно ли вывести удаленные слушания на совершенно новый уровень, позволяя проводить некоторые их части асинхронно?

Сразу отметим, что многие этапы международного арбитража уже являются асинхронными: подача состязательных бумаг и обмен ими (в основном в форме электронных писем) — лишь два наиболее очевидных примера. Но когда начинается этап устных слушаний, представление аргументации и доказательств обычно происходит на синхронной основе: либо лично (когда все участники находятся в зале судебного заседания), либо удаленно (когда участники подключаются одновременно через одну видеоплатформу).

В свою очередь, асинхронное участие в устном слушании может принять форму подготовки видеозаписи выступлений представителей сторон³. Они могут быть предоставлены суду за некоторое время

¹ Scherer M. Remote Hearings in International Arbitration: An Analytical Framework // *Journal of International Arbitration*. 2020. № 37 (4). P. 3–36.

² Susskind R. *Online Court and The Future of Justice*. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 89–90.

³ Backsmann T., Fröhlingsdorf J. Science and Arbitration. The Vienna Propositions for Innovative and Scientific Methods and Tools in International Arbitration. In: Peter C. and Klein K., ed., *Austrian Yearbook on International Arbitration*. C.H. Beck, 2020. P. 419–426.

до момента исследования доказательств (которое по-прежнему может проходить синхронно). При этом судьи могут просматривать такие видеозаписи в удобное для них время и так часто, как это им необходимо, в том числе для изучения конкретных вопросов, особенно важных в рамках рассматриваемого дела.

Помимо этого, судьи имели бы возможность более тщательно подготовиться к исследованию доказательств, сопоставив заявления, сделанные устно, с письменными материалами, уже имеющимися в деле. Каковы были бы возможные преимущества и недостатки такой модели ведения производства по делу? Первый положительный момент в том, что предварительное знакомство с устными заявлениями участников процесса в состоянии способствовать более глубокому пониманию дела судьей до начала исследования доказательств. Еще раз отметим, что неограниченная возможность пересматривать видеозаписи выступлений сторон и их представителей, возвращение к соответствующим разделам и обсуждение спорных вопросов с другими судьями ведет к наилучшему пониманию сути дела.

Во-вторых, любая форма асинхронного ведения процесса значительно облегчает вопросы по согласованию времени его проведения — или, скорее, полностью снимает эту проблему. Вполне допустимо, что, если вы можете записывать или смотреть видео, когда вам угодно, тогда отсутствует и необходимость согласовывать дату и время слушаний. В таком случае адвокаты и судьи, изо всех сил пытающиеся найти приемлемое время для совместных заседаний в своем плотном графике, перестали бы требовать отсрочки разбирательства.

В-третьих, асинхронное ведение дела позволяет решить серьезную проблему, связанную с разными часовыми поясами участвующих в процессе лиц. Естественно, данный вопрос необходимо учитывать, чтобы избежать значительных организационных проблем, приводящих либо к более коротким по продолжительности слушаниям (что неизбежно ведет к увеличению общей продолжительности рассмотрения дела), либо к неудобствам, связанным с временем начала заседания для некоторых участников. Модель удаленного слушания с использованием асинхронного участия полностью исключает подобные проблемы.

Сам факт того, что большая часть арбитража уже асинхронна, делает мысль о

полном переходе к такой модели слушаний не столь неправдоподобной. Представляется, что опасения по поводу невозможности участников процесса реагировать на комментарии друг друга и суда в «реальном времени», вероятно, можно решить с помощью детально продуманной процедуры ведения дела⁴.

Однако, говоря о преимуществах, нельзя не упомянуть и о вероятных недостатках асинхронного процесса. Во-первых, заранее записанные выступления зачастую не столь сильно воздействуют на процесс формирования мнения суда, как их «живые» аналоги. Действительно, записанная на камеру презентация не столь эффективна в плане убедительности и представления своей позиции перед судом. Помимо этого, адвокат вряд ли сумеет установить, какая часть его аргументации является наиболее выигрышной, и не сможет оценить, каково мнение суда относительно выраженной им позиции.

Более того, серьезным недостатком предварительно сделанной видеозаписи является невозможность задавать вопросы выступающему. Иногда вовремя заданный короткий уточняющий вопрос может развеять недопонимание и способствовать более быстрому разрешению спора. В целом для большинства судей возможность задавать вопросы адвокату во время устного слушания выполняет роль действенного инструмента выяснения всех существенных аспектов рассматриваемого дела.

Тем не менее, чтобы минимизировать этот недостаток, можно разрешить судьям задавать вопросы в рамках «очного» этапа исследования доказательств, уже после того, как были представлены материалы видеовыступлений. Названные обстоятельства делают асинхронные формы участия в слушании не подходящими для получения таких доказательств, как показания свидетелей и экспертов⁵. Как правило, стороны крайне заинтересованы в том, чтобы иметь возможность задавать вопросы своим свидетелям при прямом допросе и, что еще более важно, опрашивать свидетелей другой стороны при перекрестном допросе.

⁴ Scherer M. Artificial Intelligence and Legal Decision-Making: The Wide Open? Study on the Example of International Arbitration // *Journal of International Arbitration*. 2020. № 36. P. 539–573.

⁵ Zorrilla E. Towards a Credible Future: Uses of Technology in International Commercial Arbitration // *German Arbitration Journal*. 2018. № 16 (2). P. 106–108.

Трудно понять, как эти практики могут быть сохранены в асинхронной модели. Как правило, для судей также важна возможность задавать вопросы свидетелям и экспертам. В качестве одного из решений предлагалось ограничить устные показания свидетелей и экспертов, включая перекрестный допрос, вплоть до их полного исключения из состава средств доказывания, что представляется слишком радикальной мерой⁶.

Некоторые опасения внушает вероятность того, что перевод всех слушаний в асинхронный формат приведет к снижению уровня «нормального» человеческого взаимодействия в ходе судопроизводства. Неформальный обмен впечатлениями, улыбка или дружественный жест иногда чрезвычайно важны для обеспечения комфортной атмосферы в процессе. Во многом поэтому некоторые по-прежнему скептически оценивают осуществимость гипотетического сценария перехода к полностью асинхронным слушаниям⁷. Вместе с тем стоит отметить, что высказывались еще более революционные предложения.

Например, Ричард Сусскинд в своей книге «Онлайн-суды и будущее правосудия»⁸ выступает за исключение полностью син-

хронных слушаний в национальных судебных процессах. Учитывая сложность вопросов, обычно рассматриваемых в рамках международного арбитража, такое радикальное решение может оказаться не совсем оправданным. Тем не менее названная идея уже нашла свое воплощение в некоторых юрисдикциях, например в Сингапуре, где Государственный судебный центр по разрешению споров (SCCDD) экспериментирует с асинхронными формами ведения слушаний: в условиях пандемии COVID-19 определенные категории споров разрешаются исключительно через переписку по электронной почте.

Суды в Китае, в том числе Интернет-суд Ханчжоу, также активно применяют модель асинхронного ведения процесса. Наконец, следует учитывать и факт смены поколений. Вполне вероятно, живое и личное человеческое общение является «нормой» лишь для человека, выросшего до массового распространения мобильных телефонов и Интернета.

Действительно, представители нынешнего поколения выбирают совершенно иной способ коммуникации. Современные подростки почти не используют синхронное общение, заменив его асинхронными чатами в различных социальных сетях или текстовыми сообщениями. При этом надо учитывать и поколения, которые вырастут после COVID-19. Все названное может служить подтверждением тому, что асинхронные слушания вполне могут стать следующей новой реальностью в международном арбитраже.

⁶ Rowden E., Wallace A. Performing Expertise: The Design of Audiovisual Links and the Construction of the Remote Expert Witness in Court // *Social & Legal studies*. 2019. № 28(5). P. 698–718.

⁷ Menon S. Technology and the Changing Face of Justice. *Journal of International Arbitration*. 2020. № 37 (2). P. 167–190.

⁸ Susskind R. *Online Court and The Future of Justice*. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 92.

References

1. Backsmann T. Science and Arbitration. The Vienna Propositions for Innovative and Scientific Methods and Tools in International Arbitration / T. Backsmann, J. Fröhlingsdorf // *Austrian Yearbook on International Arbitration* / eds. by C. Peter, K. Klein. München : C.H. Beck, 2020. 629 p.
2. Menon S. Technology and the Changing Face of Justice / S. Menon // *Journal of International Arbitration*. 2020. Vol. 37. Iss. 2. P. 167–190.
3. Rowden E. Performing Expertise: The Design of Audiovisual Links and the Construction of the Remote Expert Witness in Court / E. Rowden, A. Wallace // *Social & Legal studies*. 2019. Vol. 28. Iss. 5. P. 698–718.
4. Scherer M. Artificial Intelligence and Legal Decision-Making: The Wide Open? Study on the Example of International Arbitration / Scherer M. // *Journal of International Arbitration*. 2020. Vol. 36. P. 539–573.
5. Scherer M. Remote Hearings in International Arbitration: An Analytical Framework / M. Scherer // *Journal of International Arbitration*. 2020. Vol. 37. Iss. 4. P. 3–36.
6. Susskind R. *Online Court and The Future of Justice* / R. Susskind. Oxford : Oxford University Press, 2019. 368 p.
7. Zorrilla E. Towards a Credible Future: Uses of Technology in International Commercial Arbitration / E. Zorrilla // *German Arbitration Journal*. 2018. Vol. 16. Iss. 2. P. 106–108.

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 3/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;
Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 24.02.2021.

Issue was published: 04.03.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.
General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 Fedin I.G. Relevant Issues of the Development of the Principle of Good Faith in an Arbitration and Civil Procedure

8 Tokareva A.A. On the Exercise of the Right of Suit in the Context if the Choice of Cause of Action

13 Gribov N.D. Inconsistent Behavior of Parties to a Case

18 Kazakova S.P., Kukhareva O.A., Yusupova A.N. Professional Representation as Restriction of the Right of a Legal Entity (Corporation) to Judicial Protection

23 Bondarenko L.K. Court Fine for Violation of Forensic Examination Terms

30 Makeeva E.B. Summary Proceedings

in an Arbitration Procedure: Corporate and Legal Aspects

35 Shevchenko I.M. On the Legal Nature of a Set-off

JUDICIAL CONCILIATION

40 Potapova L.V. The Main Problems of the Development of the Institution of Conciliation in a Civil Procedure

44 Timofeev Yu.A. Judicial Conciliation: Problems and Prospects

CIVIL PROCEDURE OF FOREIGN COUNTRIES

49 Derbisheva O.A. Differences between Civil Procedural Succession and Civil Succession

53 Olenin D.A. The English Model of Enforcement Proceedings

INTERNATIONAL ARBITRATION

58 Selkova A.A. "Asynchronous" Judicial Procedures as a Future Model of International Arbitration

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

Relevant Issues of the Development of the Principle of Good Faith in an Arbitration and Civil Procedure**Fedin Ilya G.**

Degree-Seeking Student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Altai State University
Chief Legal Officer of a Group of Trade Companies of the Altai Territory
Master of Private Law

The article deals with topical issues related to the development of the principle of good faith in domestic civil and arbitration law. The author describes the current state of this principle in these sectors, discloses the concept of «good faith» and proposes legislative initiatives to develop the regulator in the judicial process and thereby strengthen the procedural culture.

Keywords: good, conscience, definition of good faith, moral categories, procedural principles, procedural culture.

On the Exercise of the Right of Suit in the Context of the Choice of Cause of Action**Tokareva Anna A.**

Postgraduate Student of the Department of Arbitral Procedure of the Saratov State Law Academy

The article studies the legal nature of the right to claim in the aspect of the unity of substantive and procedural features. In addition, the right to choose a claim is disclosed in cases of competition of claims, which is important not only in theoretical but also in practical terms. In order to form a comprehensive understanding of the essence of the right to claim and its implementation in the competition of claims, general scientific and private law (historical-legal, formal-legal, comparative-legal) methods are used. It is proved that the right to claim is a complex category, the content of which includes the right to sue (first) and the right to satisfy a claim (second) as different but correlative concepts. It is noted that the uniqueness of both powers of claim is manifested in the conditions (prerequisites) for their occurrence and implementation, which are divided into general (universal) and special. In addition, the issue of the exercise of the right to claim in the context of competition of claims is raised, the criteria for choosing the appropriate method for the protection of violated or disputed rights and interests protected by law are highlighted. It is concluded that leveling the competition of claims requires the development of a special, most effective strategy for exercising the right to claim.

Keywords: civil law procedural law, right to claim, legal nature, prerequisites, competition of claims, choice of claim.

Inconsistent Behavior of Parties to a Case**Gribov Nikolay D.**

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice

PhD (Law)

The article is dealing with the contradictory behavior of participants in the civil process. The author, based on an analysis of foreign and domestic legislation and the practice of its application, concludes that the two doctrines are used to indicate the prohibition of conflicting behavior: estoppel and venire contra factum proprium. These doctrines are different in their legal nature, although in modern Russian they are used as synonyms. Additionally, in this study the author identified elements of the prohibition of conflicting behavior and noted its difference from other similar legal institutes.

Keywords: estoppel, prohibition of contradictory behavior, venire contra factum proprium, good faith, damage.

Professional Representation as Restriction of the Right of a Legal Entity (Corporation) to Judicial Protection**Kazakova Svetlana P.**

Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

Kukhareva Olesya A.

Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

Yusupova Asia N.

Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

The relevance of the work is due to the need to analyze and comprehend the institution of professional judicial representation in the light of the implementation of the right of legal entities to judicial protection. The results of the work are presented in the form of theses on the restriction by the current arbitration procedural legislation of the corporation's right to participate in court cases in the aspect of the principles of civil procedural law. The authors come to the conclusion about the need for more flexible legal regulation of the institution of judicial representation in order to ensure guarantees of access of legal entities to justice.

Keywords: corporate disputes, arbitration proceedings, civil proceedings, judicial representation, right to judicial protection.

Court Fine for Violation of Forensic Examination Terms**Bondarenko Lyudmila K.**

Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Caucasian Branch
of the Russian State University of Justice
Doctor of Philosophy

The problem of the appointment of a court fine for violation of the terms for the provision of the results of the examination (Article 55 of the APC RF) is investigated. It is argued that the nature of the harm does not correspond to the extent of the material and legal responsibility. It is proved that the appointment of a court fine is repressive in nature. It is proposed to synchronize the tort and the amount of the sanction, in accordance with the principles of arbitration proceedings, by clarifying the legislative technique.

Keywords: arbitration process, forensic examination, legal personality, court fine.

Summary Proceedings in an Arbitration Procedure: Corporate and Legal Aspects**Makeeva Elena B.**

Private Practice Lawyer

The article discusses certain issues of the institution of simplified proceedings in the arbitration process, analyzes the reasons for the establishment by arbitration procedural legislation of a ban on the consideration of corporate disputes in a simplified manner, compares the features of disputes subject to consideration in a simplified manner and corporate disputes.

Keywords: simplified proceedings, arbitration, corporate dispute, corporation, court.

On the Legal Nature of a Set-off**Shevchenko Ilya M.**

Associate Professor of the Department of Financial Law of the National Research University
Higher School of Economics (NRU HSE), PhD (Law)

The author, discussing on the moment when obligations terminate by means of judicial set-off, concludes, that the answer to this question is concealed in the concept of a court decision. The solutions to the put up question depending on application of declaration theory or order theory are analyzed.

Keywords: judicial set-off, arbitration court's judgement, uniformity of court practice.

The Main Problems of the Development of the Institution of Conciliation in a Civil Procedure**Potapova Larisa V.**

Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Crimean Law Institute
(Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

PhD (History), Counsellor of Justice

The article deals with current problems of development of the Institute of conciliation procedures in civil proceedings. The author analyzes the point of view of scientists about the concept of "conciliation procedures", on the basis of which he identifies a number of characteristic features. The study of the legal framework on this issue allows us to systematize the key types of conciliation procedures in civil proceedings - negotiations, mediation, judicial reconciliation. Despite the fact that these procedures are reflected in the law, they are rarely used in practice, which is due to some problems, in particular, the low level of legal literacy of the population; the lack of well-developed information work with citizens; people's distrust of the new legal institution; the rather high cost of services provided by mediators, etc.

All this requires prompt resolution, which will reduce the burden on the judicial authorities and improve the quality of the process.

Keywords: conciliation procedures, negotiations, mediation, judicial reconciliation, civil procedure, dispute settlement.

Judicial Conciliation: Problems and Prospects

Timofeev Yuriy A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The principle of voluntariness of participation in the conciliation procedure, with passive behavior of the parties, should not act as an obstacle for the initial appeal of the parties to the judicial conciliator to discuss the prospects for a peaceful settlement of the dispute and conduct judicial conciliation. Such an appeal should be initiated by the court when it detects the possibility of reconciliation of the parties and there are no objections of the parties, or by virtue of a direct indication in the law on the need for a conciliation procedure in certain categories of cases.

Keywords: civil procedure, judicial conciliation, absence of objections of the parties, obligatory conduct, initiative of the court.

Differences between Civil Procedural Succession and Civil Succession

Derbisheva Olga A.

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Donetsk Academy of Internal Affairs of Ministry of Internal Affairs of Donetsk People's Republic

The article examines the essence of civil procedural succession. The differences between civil procedural succession and civil succession are formulated.

Keywords: civil procedure, parties, assignee, predecessor, claim.

The English Model of Enforcement Proceedings

Olenin Dmitriy A.

Postgraduate Student of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

Deputy Head of the Division of the Ministry of Justice of Russia

The article is devoted to the enforcement proceedings in England. The author examines the specific characters of the system of compulsory execution of judicial acts in civil cases in England, together with the measures of compulsory execution provided by the English procedural legislation and the procedure for their application. Analyzing foreign legislation, the author concludes that in England there is a mixed decentralized judicial enforcement system. Also, the author identifies a big importance of the recoverer in enforcement proceedings in England. Consequently, the role of the enforcement agent in England is reduced to the implementation of the recoverer's will by order of the court.

Keywords: English law, foreign legislation, enforcement proceedings, civil process, enforcement system.

"Asynchronous" Judicial Procedures as a Future Model of International Arbitration

Selkova Anastasia A.

Deputy Director of the Institute of State and International Law

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The author examines how the COVID-19 pandemic has impacted international arbitration in terms of the use of new forms of litigation. The article summarizes that parties, lawyers and arbitrators must adapt to the new reality of court hearings caused by travel restrictions and social distancing measures. Attention is drawn to one particularly topical issue: should we completely stop holding hearings directly in the courtroom and switch to a new model of sessions organized remotely through using of modern video conferencing technologies?

In addition, this author attempts to develop an analytical framework for remote hearings in international arbitration. In the context of the current pandemic and its possible continuation, the author proposes certain criteria for determining the need for a remote hearing.

Keywords: international, arbitration, online court hearings, due procedure, disclosure of evidence.